

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
УФИМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

**МИНИСТЕРСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН**

**УФИМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АВИАЦИОННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ СЛОВАЦКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СЛОВАЦКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНОВ РОССИИ

Материалы
X Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
24 - 25 мая 2018 года

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Уфа 2018

УДК 338.24 : 332.1
ББК 65.050 : 65.9(2)
И66

И66 Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Пленарные доклады. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2018. – 116 с.

Рецензенты:

д.э.н., проф. Юсупов К.Н. (Башкирский государственный университет)
д.э.н., проф. Маликов Р.И. (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

Конференция посвящена обсуждению актуальной проблематики – разработке и внедрению инновационных технологий в практику управления регионами и субрегиональными образованиями. Материалы представлены в пяти тематических секциях, в числе которых: 1) инновационные технологии управления регионом с позиций пространственной экономики; 2) финансовая сфера региона: инновационные технологии управления и развития; 3) методы и технологии моделирования и управления инновационным развитием социально-экономических систем; 4) социальное развитие территорий: новые траектории и технологии управления; 5) формирование и реализация стратегических приоритетов территориального развития.

Участникам конференции предоставлена возможность обсуждения результатов исследований по проблемам модернизации управления территориальными социально-экономическими системами, повышения качества жизни населения в регионах России с использованием инновационных технологий.

Сборник представляет интерес для научных работников и специалистов в области инновационного развития, экономики и управления региональным и субрегиональными образованиями.

Конференция проводится при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-410-021003 р_г «Организация X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России»».

Редакционная коллегия:

Гайнанов Д.А., д.э.н., проф.; Гатауллин Р.Ф., д.э.н., проф.; Климова Н.И., д.э.н., проф.; Низамутдинов М.М., к.т.н., доц.; Печаткин В.В., к.э.н., доц.; Садыков Р.М., к.с.н., доц.

Рекомендовано к изданию Ученым советом Института социально-экономических исследований – обособленного структурного подразделения УФИЦ РАН.

Публикация материалов осуществлена в авторской редакции.

ISBN 978-5-6041118-1-9 (Per.)
ISBN 978-5-6041118-3-3

© Авторы, 2018
© ИСЭИ УФИЦ РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

1	Тажитдинов И.А. Об управлении инвестиционной активностью	4
2	Новиков С.В., Фахретдинов А.С., Файзуллина И.Ф. Концепция территориального развития Республики Башкортостан	11
3	Новиков С.В., Фахретдинов А.С., Файзуллина И.Ф., Гилёва Е.В. Региональные аспекты регулирования миграционных процессов	19
4	Ахунов Р.Р. Социально-экономические приоритеты развития Республики Башкортостан в условиях новых национальных целей и задач	28
5	Iveta Pauhofova The relationship between technological development and regional development through smart cities	41
6	Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д. Инструменты оценки управленческих решений в системе распределенных ситуационных центров	50
7	Суспицын С.А. Об изменении отношений регионов и федерального центра	58
8	Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., Уляева А.Г. Проблемы и перспективы территориального развития Республики Башкортостан	67
9	Гайнанов Д.А., Климентьева А.Ю. Трансформация кадровых ресурсов в региональной инновационной подсистеме	75
10	Исмагилова Л.А., Бухарбаева Л.Я. Инновационное развитие России: динамика позиционирования в мировом рейтинге	82
11	Дегтярева И.В., Токарева Г.Ф. Место и роль TOP в реализации модели инвестиционно-инновационного развития регионов	102
12	Файзуллин Ф.С. Этнонациональный потенциал как фактор социального развития	111

УДК 330.322

И.А. ТАЖИТДИНОВ, д.э.н.

Аппарат Правительства Республики Башкортостан, г. Уфа

ОБ УПРАВЛЕНИИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТЬЮ

ON MANAGEMENT OF INVESTMENT ACTIVITY

Аннотация. В работе рассмотрены вопросы управления инвестиционной активностью в рамках территориально организованных социально-экономических систем. Обоснованы и на конкретных примерах Башкортостана проиллюстрированы факторы роста инвестиционной активности в республике.

Abstract. The paper considers the issues of managing investment activity within territorially organized socio-economic systems. Basing on concrete examples of Bashkortostan, the factors of growth of investment activity of the republic.

Ключевые слова: инвестиционная активность, территориальное развитие, факторы инвестиционной активности, управление.

Keywords: investment activity, territorial development, factors of investment activity, management.

Проблематика управления инвестиционной активностью на региональном уровне в настоящее время приобретает особую актуальность, поскольку изменения внешней среды имеют достаточно динамичный, а в последние годы (в связи с санкционными ограничениями) и негативный характер. В этой связи управлению факторами, формирующими инвестиционный климат, уделяется особое внимание, как со стороны территориальных органов управления, так и со стороны инвесторов.

В общепринятой трактовке инвестиционный климат – это совокупность культурных, общественно-политических, социально-экономических и нормативных правовых условий, определяющих качество предпринимательской инфраструктуры, эффективность инвестирования, возможные риски и, в целом, привлекательность вложения финансовых средств. Одним из примеров такой привлекательности следует рассматривать реализацию проекта «Бурзянский туристический кластер», который должен улучшить

инвестиционный климат в республике и, прежде всего, в Башкирском Зауралье. Действительно, ряд рейтинговых агентств, например, РА Эксперт, оценивает инвестиционный климат, в том числе через туристический потенциал (наличие мест «притяжения» в регионе, развитость туристской индустрии, туристический поток).

В тоже время, есть и другие подходы к определению факторов, формирующих инвестиционный климат (рис. 1). Среди них – методика АСИ, регулярно реализуемая Агентством при составлении инвестиционных рейтингов, результаты которых представляются на крупнейших российских и международных форумах. Так, результаты очередного из этих рейтингов были представлены в конце мая 2018 г. на Петербургском экономическом форуме.

Рис. 1. Инвестиционный климат – определения и подходы

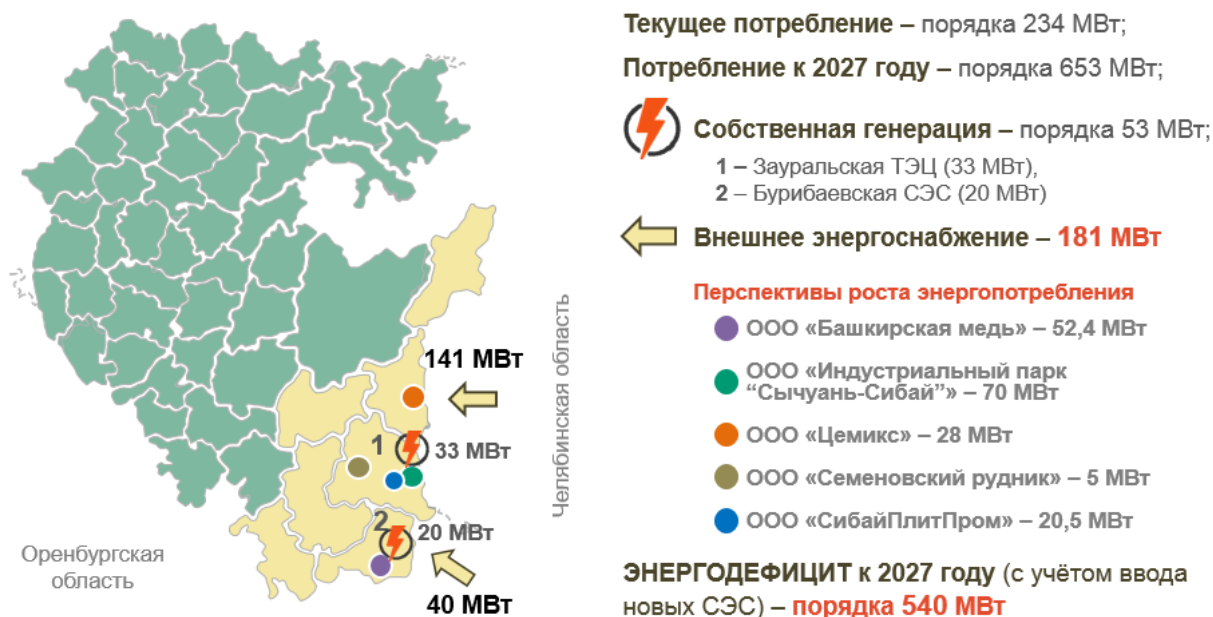
Возникает очевидный вопрос – есть ли взаимосвязь между позицией в Национальном рейтинге и результатами инвестиционной деятельности в конкретном регионе? Например, в качестве одного из важнейших параметров, характеризующего данные результаты, может быть принят показатель объема инвестиций на душу населения.

Корреляционный анализ соответствующей инвестиционной статистики показал, что взаимосвязь между названными позициями практически отсутствует. Значение коэффициента ранговой корреляции Спирмена варьирует от 0,07 за 14-ый год до 0,2 за 16-ый и 0,45 за 17-ый год. С учетом общепринятых подходов, если коэффициент меньше 0,3 – связь практически отсутствует, до 0,5 –

слабая связь, до 0,7 – умеренная, более 0,7 – сильная. Данные характеристики хорошо видны на примере ряда регионов. Так, Чувашия на протяжении последних четырех лет входит в десятку регионов-лидеров. Но за 2016 год она заняла второе место, в то же время по среднедушевому объему инвестиций – лишь 73 место.

Следовательно, логична постановка вопроса – какими факторами следует управлять, и на что, прежде всего, обращают внимание потенциальные инвесторы при выборе места для инвестирования? Исходя из практики реализации субрегиональных программ, сопровождения инвестиционных проектов, таких как: «Кроношпан», «Ласселсберг», «Сычуань-Сибай» можно сделать следующие выводы.

Во-первых, инвесторов, в первую очередь, интересует не столько условия и время подключения к тем или иным энергетическим или коммунальным ресурсам, а их принципиальная доступность и наличие в необходимом объеме. Так, привлечение крупных проектов в Зауралье, как отмечал Глава Республики Хамитов Р.З., сдерживает энергодефицитность (рис. 2).

Рис. 2. Доступность энергетической инфраструктуры

Для примера, на реализацию проекта по выпуску сухих строительных смесей в Абзелиловском районе инвестор «Цемикс» согласился лишь после письменной оформленной гарантии Правительства республики обеспечить его необходимыми электрическими мощностями.

В Зауралье сегодня генерируется 50 МВт, а потребляется 250 МВт. Разрыв закрывается за счет соседей. Но инвесторам нужны мощности. С учетом намеченных планов по реализации новых инвестиционных проектов дефицит может составить более 500 МВт. Как решать данный вопрос? Или создавать свою генерацию, или строить линии электропередач. Или привлекая мощности Ириклинской ГРЭС в Оренбуржье, или решать проблему за счет перетока профицита электроэнергии из Челябинской области?

Следующий фактор для управления инвестиционной активностью – это транспортная логистика (рис. 3).

Рис. 3. Степень развитости транспортной инфраструктуры и логистической открытости

Например, в процессе принятия решения о размещении завода ДСП, ОСП инвестор в 2012-м году непосредственно побывал на более чем десяти земельных участках, в том числе в нескольких районах Зауралья. Окончательное решение – размещение завода в Уфимском районе. Причем фактор доступа к рынкам сбыта, близость к трассам М5 и М7 для инвестора стал более определяющим, чем расположение лесных ресурсов. Речь идет о «Кроношпане», инвестиции которого на сегодня уже составляют порядка 30 миллиардов рублей.

То есть удаленность от промышленных центров, от больших рынков сбыта, от мест концентрации квалифицированных кадров сдерживает развитие Зауралья. Понятно, что этот фактор в полной мере на данной территории полностью преодолеть достаточно

сложно. Но существуют возможности для его смягчения путем, например, улучшения существующих трасс или строительства новых автомобильных и железных дорог. Поэтому крайне важной представляется успешная реализация таких транспортных проектов, как автомобильные дороги «Мраково-Старосубханкулово-Темясово», «Магнитогорск-Кага-Стерлитамак», расширение трассы «Уфа – Оренбург». Важным в данном случае является возобновление приостановленного еще в 80-е годы XX-го века строительства железнодорожной ветки Сибай-Подольск-Сара. И, в целом, расшивка тупиковости железнодорожных узлов Сибая и Учалов.

Что касается следующего фактора, то для богатых полезными ископаемыми регионов, таких как Башкортостан, и, в частности Зауралье, одним из ключевых условий привлечения инвестиций является оперативное предоставление месторождений ОПИ и ТПИ для разработки (рис. 4).

Рис. 4. Уровень сложности и оперативности оформления разрешительной документации (лицензий)

Так, в рамках зауральской программы в Учалинском районе реализуется проект по разработке карьера и дальнейшего выпуска изделий из гранита. Лицензирование добычи этого ТПИ относится к компетенции федеральных органов власти, территориально расположенных в Москве, Нижнем Новгороде, Казани. Причем в ряде из них не установлены временные регламенты рассмотрения документов. В результате процедура выдачи лицензии может длиться

до 1,5 лет. В рамках указанного проекта республика вынуждена была подключить административный ресурс, что позволило сократить время согласования до 5 месяцев.

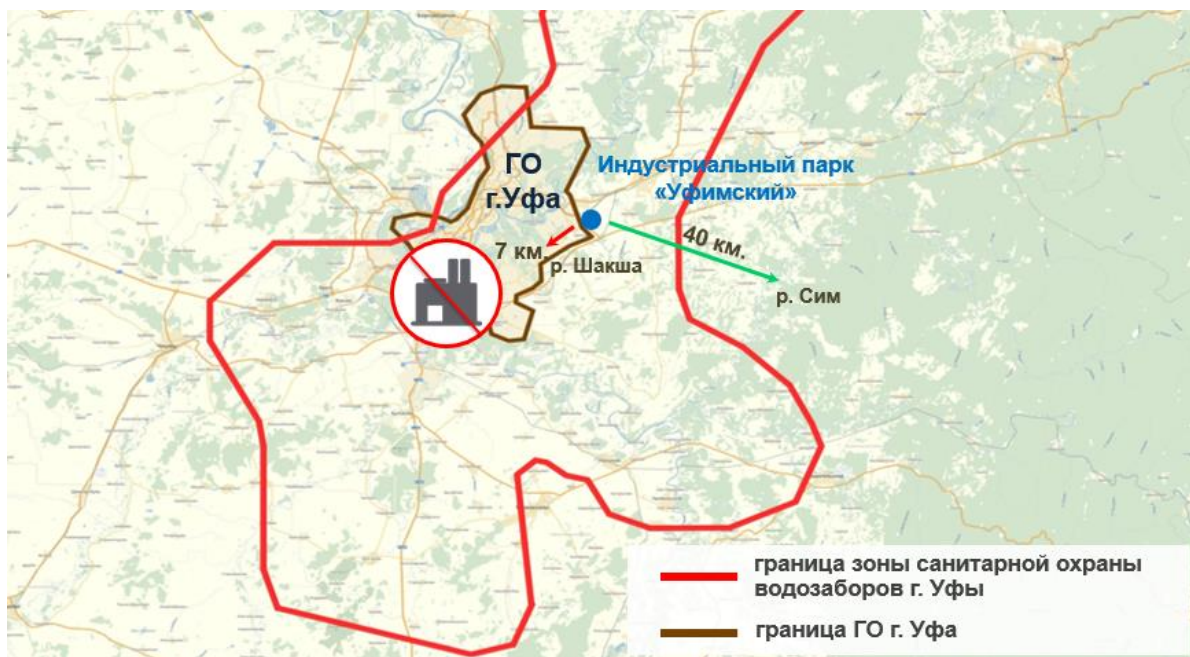
При этом важным фактором является доступность и полнота информации по полезным ископаемым. В этой связи Минэкологии республики совместно с Башнедрами и Минземимуществом разработана соответствующая интерактивная карта. Она позволяет потенциальному инвестору выбрать интересующий вид полезного ископаемого и на карте выбрать подходящее месторождение.

Безусловно, следующий важный фактор повышения инвестиционной активности и инвестиционной привлекательности территорий – это степень использования регионом права на установление различных льгот и преференций для инвесторов, административное сопровождение проекта в режиме одного окна, прямая связь с руководством субъекта РФ.

За прошедшие несколько лет значительно упростились процедуры, перечень и количество документов для предоставления поддержки приоритетным инвестиционным проектам. Большое значение имеет организация и поддержание устойчивой прямой связи между инвестором и руководством республики. Например, именно рабочие встречи с Главой республики Хамитовым Р.З. и определенные политические гарантии позволили инициировать десятки проектов. Например, в Зауралье – это проекты компаний «Ситно» и «Цемикс».

Значимым фактором, влияющим на инвестиционный климат, является наличие земельных участков для размещения производств в соответствии с требованиями экологического законодательства (рис. 5).

Например, согласно 44 статьи Водного кодекса в границах зон санитарной охраны источников питьевого водоснабжения нельзя осуществлять напрямую сброс сточных вод. И решение проблемы зависит от развитости системы централизованного водоотведения или же от строительства очень затратных по стоимости ливневых сетей за пределы этих зон. Наиболее явно эта проблема проявляется в Уфе и прилегающих районах. Здесь территория оказалась заблокированной для реализации новых инвестиционных проектов, поскольку практически полностью попала в зоны охраны водозаборов рек Белой и Уфы.

Рис. 5. Доступность земельных участков для размещения новых проектов согласно экологическим требованиям

В целом, все обозначенные факторы имеют непосредственное отношение к инвестиционному климату. Их отработка является одной из целей субрегиональных программ и может дать значимый толчок развития этих регионов. Агрегировано эти факторы реализуются в виде индустриального парка. Пример – Уфимский индустриальный парк. Его заполняемость резидентами на сегодня приблизилась к 100%, объем инвестиций – к 30 млрд. рублей. Создано свыше 400 новых рабочих мест, а с учетом синергии – более 2000. При этом, на наш взгляд, приступать к созданию конкретного индустриального парка, в целях минимизации рисков, необходимо при наличии якорного резидента в рамках оказания ему инфраструктурной поддержки. Следует активнее задействовать такие инструменты как РАИП и Терзаказ. Тем более имеется возможность получить субсидии из федерального бюджета согласно постановлению № 1119.

УДК 332.1

С.В. НОВИКОВ, к.э.н., **А.С. ФАХРЕТДИНОВ**,
И.Ф. ФАЙЗУЛЛИНА

Министерство экономического развития Республики Башкортостан,
г. Уфа

КОНЦЕПЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

THE CONCEPT OF TERRITORIAL DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Аннотация. Авторами проведен комплексный мониторинг социально-экономического развития муниципальных образований Республики Башкортостан, по результатам которого сформирован картографический профиль региона по уровню дифференциации в развитии территорий. В работе определены факторы, повлиявшие на неравномерное развитие территорий, и определены соответствующие экономические и инфраструктурные вызовы. В основу концепции территориального развития Республики Башкортостан предлагается заложить партисипативные принципы управления территориальным развитием. Для ее реализации обозначены следующие проектные инициативы: развитие территориального общественного самоуправления, создание агломерационных субрегионов, развитие моногородов и присвоение им статуса территорий опережающего социально-экономического развития, а также внедрение инициативы по созданию территорий опережающего социально-экономического развития регионального уровня. В целях формирования необходимых условий для улучшения социально-экономического положения муниципальных образований республики раскрыта необходимость создания Фонда развития территорий.

Abstract. The authors carried out a comprehensive monitoring of the social and economic development of the municipalities of the Republic of Bashkortostan, which resulted in the formation of a cartographic profile of the region in terms of the level of differentiation in the development of territories. We determined the factors that influenced the uneven development of the territories, and determined the appropriate economic and infrastructure challenges in the work. We propose to lay partisipative principles for the management of territorial development in the basis of the

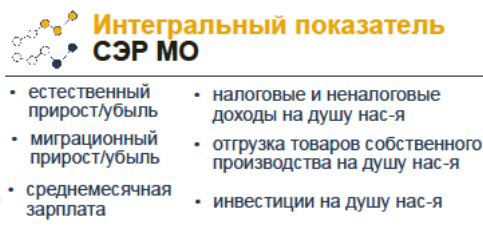
concept of territorial development of the Republic of Bashkortostan. The following project initiatives are identified for its implementation: the development of territorial public self-government, the creation of agglomeration subregions, the development of single-industry towns and the appropriation of the status of territories for outrunning socio-economic development, as well as the introduction of an initiative to create territories for outpacing socio-economic development at the regional level. In order to form the necessary conditions for improving the social and economic situation of the municipalities of the republic, the need to create a Territorial Development Fund is disclosed.

Ключевые слова: концепция, территориальное развитие, агломерация, моногорода, инвестиционное развитие.

Keywords: concept, territorial development, agglomeration, single-industry towns, investment development.

Правительством Республики Башкортостан в соответствии с федеральным и республиканским законодательством разработана Стратегия социально-экономического развития региона до 2030 года. Один из разделов данного документа посвящен ключевым аспектам социально-экономического развития муниципальных образований республики.

В рамках реализации стратегических приоритетов на первоначальном этапе Минэкономразвития РБ проведен анализ социально-экономической ситуации муниципалитетов (естественный и миграционный приросты, среднемесячная заработная плата, инвестиции в основной капитал на душу населения, объем налоговых и неналоговых доходов бюджета муниципального образования, отгрузка товаров собственного производства). Итоги мониторинга показали существенную дифференциацию в развитии территорий. За последние 8 лет (2010-2017 годы) тенденция не только сохраняется, а по отдельным критериям существенно прогрессирует (рис. 1).

Рис. 1. Картографический профиль Республики Башкортостан по интегральному показателю

На основе полученных результатов изучены факторы, повлиявшие на неравномерное развитие территорий, и определены соответствующие вызовы. Все они связаны с экономическими и инфраструктурными ограничениями (рис. 2).

Неравномерный рост основных секторов экономики РБ

- отток трудоспособного населения из сел в города в ожидании более высоких и стабильных доходов
- увеличение ср. возраста населения в селах
- снижение предпринимательской активности на селе

Инфраструктурные ограничения развития РБ

- Развитие инфраструктуры осуществляется:
- без обоснования необходимости размещения инфраструктурных объектов в МО;
  - без оценки возможности и целесообразности участия МО по реализации совместных проектов

Слабоуправляемые процессы формирования и развития агломераций

- программные мероприятия МО, задействованные в агломерировании, не синхронизированы, противоречат и идут в разрез процессам интеграции

Слабая общественная инициатива, низкая квалификация менеджеров ОМСУ

- отсутствие стимулов к «реальному самоуправлению», низкая активность нас-я в СЭР МО
- слабые компетенции по управлению проектами;
- отсутствие доверия населения к ОБ и ОМСУ РБ

Неравномерное распределение научных и образовательных центров РБ

- предпосылки переезда молодых специалистов на постоянное место жительства по месту учебы

Недостаточное финансовое обеспечение деятельности ОМСУ

- действие традиц-х механизмов перераспределения средств между «богатыми» и «бедными» МО через республиканский (районный) бюджет

Рис. 2. Проблемы, связанные с высоким уровнем дифференциации территорий

Следующим этапом стало установление обоснованных целевых значений индикаторов социально-экономического развития территорий до 2030 года, ориентированных на выравнивание ситуации на местах. Представленные показатели коррелируются с целевыми показателями Стратегии Республики Башкортостан – 2030 (рис. 3).

ПОКАЗАТЕЛЬ	ФАКТ 2010	ФАКТ 2017	ЦЕЛЬ К 2030
Сокращение отношения max значения показателя к min в разрезе МО РБ			
Объем отгруженной продукции на 1 жителя, тыс. руб.	max – 847,2 min – 8,3 разрыв – 102,5	max – 1 489,9 min – 9,5 разрыв – 157,2	разрыв – ≤ 20 раз
Объем налоговых и неналоговых доходов местного бюджета на 1 человека, тыс. руб.	max – 8,9 min – 2,6 разрыв – 3,5	max – 12,5 min – 5,2 разрыв – 2,4	разрыв – ≤ 2 раза
Среднемесячная начисленная заработная плата, тыс. руб.	max – 22,1 min – 9,5 разрыв – 2,3	max – 42,5 min – 19,8 разрыв – 2,1	разрыв – ≤ 1,5 раза
Снижение разницы между max и min значениями показателей в разрезе МО РБ			
Уровень зарегистрированной безработицы, %	max – 7,58 min – 0,75 разница – 6,83	max – 5,41 min – 0,45 разница – 4,96	разница – ≤ 1,5
Естественный прирост (убыль) населения, промилле	max – 10,91 min – -7,86 разница – 18,78	max – 55,62 min – -102,09 разница – 157,71	разница – ≤ 10 промилле
Миграционный прирост (убыль) населения, промилле	max – 12,94 min – -21,25 разница – 34,19	max – 36,38 min – -20,78 разница – 57,16	разница – ≤ 20 промилле

Рис. 3. Целевые ориентиры до 2030 года

В целях компенсации негативного влияния вызовов и достижения установленных ориентиров Минэкономразвития РБ во исполнение поручения Главы РБ Р.З. Хамитова разработана Концепция по развитию муниципальных образований. В ее основу заложены партисипативные принципы управления территориальным развитием (рис. 4).

В процессе принятия решений главным является привлечение граждан к участию в управлении муниципалитетом, что приводит к раскрытию их креативного потенциала, усилению ответственности и мобилизации ресурсов. При этом, окончательное решение о строительстве новых объектов на территории поселения будет приниматься при положительном влиянии на отдельные показатели развития поселения, муниципального района и республики в целом, их соответствии целевым индикаторам государственных и муниципальных программ. А главное, предлагаемый к строительству

объект должен соответствовать требованиям нормативной обеспеченности.

Рис. 4. Внедрение партисипативных принципов поддержки муниципальных образований

С учетом принципов партисипативного управления разработан перечень проектных инициатив территориального развития (рис. 5).

Рис. 5. Направления территориального развития Республики Башкортостан

1. *Первая инициатива* – развитие территориального общественного самоуправления (ТОС – первичная, наиболее простая, близкая и понятная для населения форма решения местных проблем, затрагивающих и индивидуальные, и коллективные интересы граждан).

ТОС – единственная, предусмотренная законодательством, общественная организация на местном уровне, которая может привлекать не только средства жителей, бизнес-структур, общественных и других организаций, но и средства местного бюджета.

Как показывает региональная практика, в муниципальных образованиях ряда субъектов страны уже действуют программы развития ТОС, предусматривающие для них различные меры поддержки.

2. *Второй проект* – создание агломерационных субрегионов.

На сегодняшний день в целях повышения управляемости и эффективности использования совокупного потенциала территорий прорабатываются механизмы формирования двух компактных субрегиональных групп, состоящих из следующих муниципальных образований:

первая агломерация – это Благовещенский, Кушнаренковский, Иглинский, Уфимский, Чишминский, Кармаскалинский, центр – город Уфа;

вторая – Ишимбайский, Стерлитамакский районы, город Салават, центр – Стерлитамак.

3. *Третья проектная инициатива* – развитие моногородов и создание в их границах Территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР). На сегодняшний день в республике 6 моногородов – Белорецк, Благовещенск, Белебей, Кумертау, Нефтекамск, Учалы. Они созданы на базе градообразующих предприятий и здесь в настоящее время проживает десятая часть жителей нашей республики.

Постановлениями Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 года № 1536 и № 1550 впервые в истории республики в конце 2016 года в границах моногородов Белебей и Кумертау созданы территории опережающего социально-экономического развития. ТОР – это особые экономические зоны, где

действуют существенные налоговые преференции для ведения бизнеса.

Резидентами ТОР уже стали 14 инвесторов, из них 9 работают в г. Кумертау, 5 – г. Белебей. Это организации в сфере лёгкой промышленности, по производству строительных материалов, химической, пищевой продукции и другим направлениям. Реализация этих проектов позволит привлечь на эти территории более 2,8 млрд. рублей инвестиций и создать свыше 2 тыс. новых рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующих организаций.

Аналогичная работа ведется и по остальным моногородам. Буквально в апреле текущего года федеральной комиссией одобрены заявки на создание ТОР в Белорецке, Благовещенске и Нефтекамске. По Учалам готовятся соответствующие документы.

4. *Четвертый проект* концепции связан с территориями со сдержанным социально-экономическим развитием. Основываясь на идеологии федеральной работы с моногородами, в Республике Башкортостан запущен процесс модернизации отдельных территорий региона.

В первую очередь, речь идет о трех республиканских городах, которые по федеральным критериям не относятся к монопрофильным, но их социально-экономическое положение не менее сложное. Это Агидель, Сибай и ЗАТО Межгорье.

Город Агидель основан в связи со строительством Башкирской атомной электростанции. Однако, реализация данного проекта прекращена, что не позволило обеспечить развитие экономики территории, а вся социальная инфраструктура уже создана.

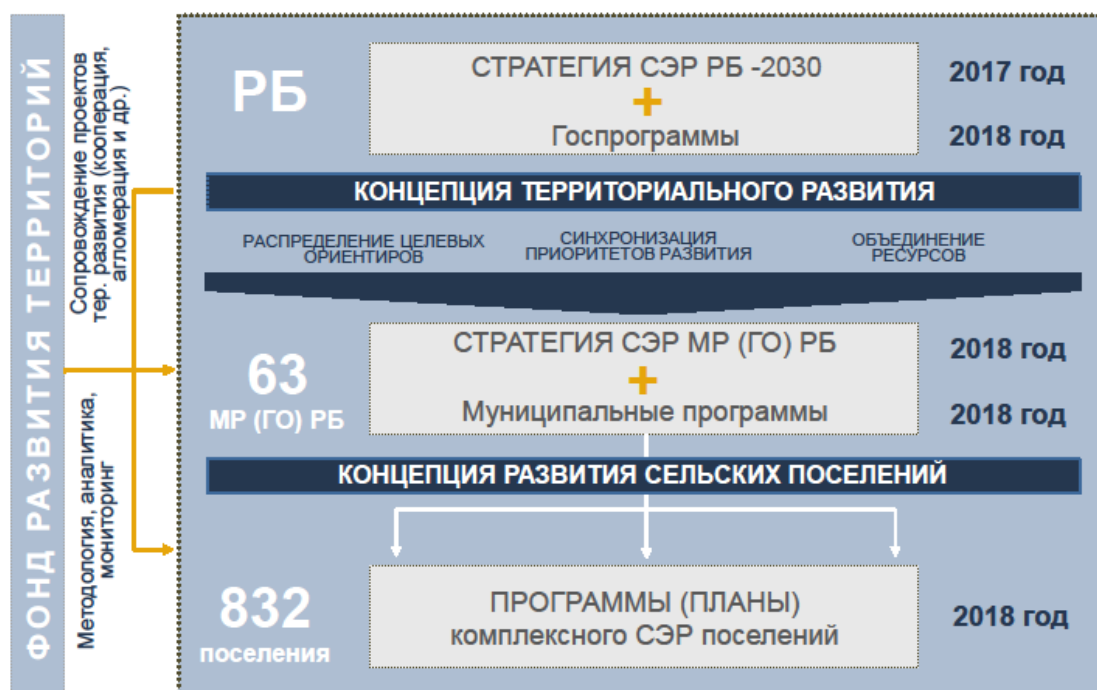
В Сибее создано градообразующее предприятие – Башкирский медно-серный комбинат. В связи с истощением запасов рудного сырья объемы производства снизились, что является причиной ежегодного сокращения рабочих мест.

ЗАТО Межгорье основано для строительства военного объекта. Особый статус города затрудняет его экономическое развитие.

По инициативе Минэкономразвития РБ данные города на республиканском уровне приравнены к монотерриториям. В их границах будут созданы Территории опережающего социально-экономического развития регионального уровня – ТОР РУ. Господдержка резидентам ТОР РУ будет оказана по аналогии с моногородами, но за счет республиканского бюджета. В частности,

планируется софинансирование затрат инвесторов, предоставление налоговых льгот, выделение финансирования на строительство социальных и инфраструктурных объектов и др. В настоящее время ведется формирование нормативной базы, регламентирующей условия и порядок предоставления преференций.

В целях формирования необходимых условий для улучшения социально-экономического положения муниципальных образований республики в рамках исполнения поручения Главы Республики Башкортостан ведется работа по созданию Фонда развития территорий. Деятельность регионального института будет выстроена на принципах работы федерального Фонда развития моногородов, который оказывает всестороннюю финансовую и информационную поддержку предприятиям для реализации инвестиционных проектов (рис. 6).

Рис. 6. Управление территориальным развитием

Реализация проектов Концепции позволит обеспечить достижение стратегических целевых ориентиров и снизить уровень дифференциации (снижение разрывов между максимальным и минимальным значениями показателей) в социально-экономическом развитии муниципальных образований республики.

УДК 332.1

С.В. НОВИКОВ, к.э.н., **А.С. ФАХРЕТДИНОВ**,
И.Ф. ФАЙЗУЛЛИНА, **Е.В. ГИЛЁВА**

Министерство экономического развития Республики Башкортостан,
г. Уфа

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

REGIONAL ASPECTS OF REGULATION OF MIGRATION PROCESSES

Аннотация. Авторами проведен факторный анализ влияния динамики основных социально-экономических показателей за 2010-2016 годы на миграционные процессы по всем субъектам Российской Федерации. В статье представлены результаты корреляционной зависимости входящего и исходящего миграционных потоков от макроэкономических индикаторов. Установлены факторы, усиливающие и сдерживающие миграционные процессы в регионе. Осуществлена оценка эффекта реализуемых мероприятий по социально-экономическому развитию монопрофильных муниципальных образований Республики Башкортостан на показатели миграции данных территорий. Определены механизмы управления инвестиционными ресурсами Республики Башкортостан в целях сдерживания миграционного оттока населения.

Abstract. The authors conducted a factor analysis of the influence of the dynamics of the main socio-economic indicators for the years 2010-2016 on migration processes in all subjects of the Russian Federation. The article presents the results of correlation dependence of incoming and outgoing migration flows on macroeconomic indicators. Factors that strengthen and restrain migration processes in the region have been identified. Evaluation of the effect of the implemented measures on the socio-economic development of mono-profile municipal entities of the Republic of Bashkortostan on the migration indicators of these territories was carried out. The mechanisms for managing the investment resources of the Republic of Bashkortostan are determined with a view to curbing the migration outflow of the population.

Ключевые слова: миграция, коэффициент миграционного прироста, инвестиции, моногорода.

Keywords: migration, migration growth rate, investment, single-industry city.

Обеспечение устойчивого естественного роста численности населения является стратегическим приоритетным направлением страны в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 204 от 7 мая 2018 года. При этом «Коэффициент миграционного прироста» выступает одним из ключевых показателей оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ.

Федеральным центром перед регионами России поставлена задача по выходу на положительный «Коэффициент миграционного прироста». Относительно республики значение данного показателя на текущий год установлено плюсом на 4 человека на 10 тыс. населения с последующим четырехкратным увеличением к 2020 году.

Что касается текущей миграционной ситуации в Республике Башкортостан. В январе-марте 2018 года миграционная убыль населения республики составила 1747 человек с ростом к уровню аналогичного периода прошлого года на 94 человека (в январе-марте 2017 года миграционная убыль составляла 1653 человека).

Рассматривая ретроспективную динамику предыдущих 3-х лет, положительное сальдо миграции наблюдается только в 11 муниципальных образованиях.

Высокий коэффициент миграционного оттока населения отмечается в Агидели, Кигинском, Калтасинском, Мечетлинском, Шаранском, Хайбуллинском районах. Здесь в рассматриваемом периоде уехал каждый 20-й житель.

На процессы движения населения значительное влияние оказывает маятниковая миграция в связи с вахтовым методом работы жителей республики в иных регионах. По данным местных администраций по состоянию на 2017 год численность «вахтовиков» составляет 106 тысяч человек, что практически на 10% выше уровня предыдущего года. В целом это порядка 5% трудоспособного населения республики. Таким методом работы преимущественно пользуются специалисты со средним профессиональным образованием (48%).

Так, в Калтасинском районе каждый четвертый трудоспособный житель выезжает на заработки в другие регионы (24%). В

Абзелиловском (21,8%) и Белокатайском (21,1%) районах – каждый пятый.

В целях определения точек миграционной привлекательности на региональном уровне Министерством экономического развития республики проведен факторный анализ влияния динамики основных социально-экономических показателей за 2010-2016 годы на миграционные процессы.

В анализируемые параметры включены индикаторы, характеризующие качество системы здравоохранения, образования, уровень благосостояния и др.

Это:

- 1) заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом;
- 2) обеспеченность средним медицинским персоналом;
- 3) мощность амбулаторно-поликлинических учреждений;
- 4) отношение среднемесячной минимальной заработной платы работников организаций к величине прожиточного минимума трудоспособного населения;
- 5) обеспеченность детей дошкольного возраста местами в дошкольных образовательных учреждениях;
- 6) обеспеченность педагогическими работниками дошкольных образовательных организаций;
- 7) обеспеченность учителями;
- 8) величина прожиточного минимума;
- 9) среднемесячная заработная плата;
- 10) расходы консолидированного бюджета на душу населения.

Результаты исследования показали, что в целом на миграционные процессы значительное влияние оказывают уровень заработной платы и социального благополучия.

Кроме того, в связи с высокой мобильностью молодого населения сальдо миграции значительно зависит от возрастной структуры. Учитывая, что Республика Башкортостан является одной из наиболее молодых регионов России, данная проблема для нас особенно актуальна.

При рассмотрении в отдельности входящего и исходящего миграционных потоков, отмечается изменение корреляционной зависимости показателей.

Так, на коэффициент убытия населения значительное влияние оказывают следующие показатели – обеспеченность учителями (60%) и средним медицинским персоналом (58%), мощность амбулаторно-поликлинических организаций (56%), среднемесячная заработная плата (55%), величина прожиточного минимума (53%).

В отношении прибывших фиксируется наибольшая взаимозависимость с показателями, характеризующими бюджетообеспеченность (57% по расходам консолидированного бюджета региона на душу населения) и уровень зарплаты (56% по среднемесячной зарплате работников).

Обозначенные тенденции миграционных процессов также подтверждены Академией наук Республики Башкортостан в аналитическом докладе «О демографической, миграционной и семейной политике» по итогам соответствующей научно-исследовательской работы.

По результатам факторного анализа в соответствии с поручением Главы республики Минэкономразвития РБ совместно с органами исполнительной власти переработан План мероприятий по реализации Концепции миграционной политики Республики Башкортостан на период до 2025 года (утвержденный распоряжением Правительства РБ № 373-р от 15.04.2016 года).

В данном документе в качестве *составляющих индикаторов*, влияющих на миграцию, определены такие показатели, как среднемесячная заработная плата, уровень бедности, коэффициент напряженности на рынке труда, доля выбывших за пределы республики в связи с учебой, уровень обеспеченности населения республики врачами, удовлетворенность населения качеством госуслуг, предоставляемых в сфере социальной поддержки населения.

Комплексный план предусматривает меры, направленные на:

1) сохранение трудовых ресурсов республики и развитие деловой активности (это создание новых рабочих мест при реализации инвестиционных проектов, поддержка предпринимателей);

2) формирование благоприятных условий для проживания (речь идет о жилищном строительстве с использованием системы жилищных строительных сбережений, формировании у населения РБ

здорового образа жизни, включая сокращение потребления алкоголя, табака и борьбу с наркоманией);

3) обеспечение роста заработной платы, социальных выплат молодым семьям, поддержку педагогических и медицинских работников;

4) сдерживание образовательной миграции и поддержку академической мобильности (организация работы в школах по профессиональной ориентации школьников с перспективой поступления в ВУЗы республики, обучение студентов в зарубежных образовательных организациях по программе «Двойные дипломы» и другие).

Вместе с тем, миграционные показатели являются многофакторными и позволяют оценить также качество социально-экономических процессов и сбалансированность развития территорий. Важное место отводится принимаемым в республике мерам, основной задачей которых хоть и не является увеличение миграционной ситуации, но при этом, они оказывают существенное влияние на нее.

Первое – развитие монопрофильных муниципальных образований. Здесь реализуются проекты по благоустройству городской среды (по итогам 2017 года реализовано 28 проектов) создано свыше 7 тысяч рабочих мест. До конца текущего года эту цифру увеличим до 9 тысяч рабочих мест.

Дополнительным инструментом, способствующим повышению занятости граждан, является создание территорий опережающего социально-экономического развития. На сегодняшний день в Белебее и Кумертау зарегистрировано 14 резидентов, планирующих создать свыше 2 тысяч новых рабочих мест. В 2017 году ими уже создано 600 рабочих мест. До конца года ТОР планируется создать и в остальных 4 монотерриториях.

Меры по улучшению качества жизни и развитию экономики моногородов показали свою результативность. По итогам 2017 года в 5 из 6 монотерриторий отмечается улучшение миграционной ситуации.

Второе направление работы – применение механизмов моногородов для территорий со сдержанным уровнем социально-экономического развития. Это города Агидель, Сибай и ЗАТО Межгорье.

Данные муниципалитеты в начале текущего года приравнены к монотерриториям республиканского уровня. В настоящее время на согласование в Правительство РБ внесен законопроект о территориях опережающего развития регионального уровня. Документ предусматривает предоставление инвесторам налоговых и иных льгот для стимулирования инвестиционной деятельности.

Особый правовой режим будет предусматривать:

налог на имущество организаций – 0%;

земельный налог – 0%;

понижение налога на прибыль;

понижение коэффициента арендной платы за земельные участки;

субсидирование процентной ставки по банковским кредитам;

компенсация затрат по приобретению предметов лизинга;

субсидирование затрат на приобретение сельскохозяйственной техники и промышленного оборудования;

субсидирование затрат на строительство объектов инфраструктуры.

Что касается города Агидель, где фиксируется наибольший миграционный отток населения, необходимо отметить, что вопрос его социально-экономического развития находится на контроле Правительства республики. В соответствии с поручениями по итогам правительственного заседания (17 октября 2017 года) в настоящее время реализуются меры по развитию промышленности, социального предпринимательства на данной территории, привлечению инвестиционных проектов и локализации республиканских предприятий и учреждений. Корпорацией развития Республики Башкортостан продолжается работа по подготовке концепции развития города Агидель. К этому процессу будут привлечены передовые эксперты российского уровня.

Практика работы с моногородами и приравненными к ним территориями будет тиражирована и в отношении других муниципальных образований республики. В соответствии с поручением Главы РБ в рамках заседания Коллегии Минэкономразвития республики в настоящее время в Правительство РБ внесен проект распоряжения о создании Фонда развития территорий Республики Башкортостан.

Данная структура будет сопровождать работу местных администраций в части обеспечения синхронизации целевых ориентиров развития территорий с приоритетами республики, осуществлять финансовую и инфраструктурную поддержку реализации инвестиционных проектов. Кроме того, за Фондом будет закреплён мониторинг социально-экономического развития территорий, по итогам которого будут вырабатываться рекомендации по комплексному развитию муниципальных образований, в том числе в демографическом направлении.

В соответствии с поручением Главы РБ в целях получения объективной картины по протекающим в муниципалитетах и предприятиях процессам, обеспечения оперативного принятия необходимых мер ведется работа по созданию республиканского Центра мониторинга социально-экономического развития. Министерством экономического развития РБ в Правительство РБ внесён проект постановления. Его создание даст возможность получать детальную информацию по каждому предприятию, поселению и перейти к принятию точечных и целенаправленных решений.

Третье направление работы, непосредственно влияющее на миграционные процессы, – создание агломерационных субрегионов на базе экономических зон республики. В настоящее время совместно с Институтом стратегических исследований проводится научная проработка механизмов воздействия на «размещение экономических объектов и производительных сил» методами экономической и социальной политики. Внедрение агломерационного подхода будет направлено на усиление интеграции смежных территорий, повышение управляемости и эффективности использования совокупного потенциала территорий. С позиции миграции реализация данного проекта, позволит перенаправить сформировавшийся отток населения с окраин республики в агломерационный центр.

Сегодня также внедряются дополнительные меры регулирования процессов, оказывающих непосредственное влияние на миграцию.

Во-первых, координация инвестиционных процессов. Суть заключается в преимущественном размещении инвестиционных проектов с созданием рабочих мест в тех муниципалитетах, где

отмечается наибольшее количество вахтовиков и незанятого населения.

Во-вторых, обеспечение равного доступа к объектам социальной сферы. Это детские сады, школы, поликлиники, больницы, бассейны, ФОКи. Решение о строительстве нового объекта в рамках республиканской адресной инвестиционной программы рассматривается через призму обеспеченности муниципалитетов социальной инфраструктурой. Приоритет отдается тем заявкам, где отмечается наибольшая нехватка таких учреждений.

Применение такого подхода будет способствовать постепенному ослаблению негативного влияния неравномерного распределения объектов социальной инфраструктуры на отток населения.

Следует отметить дополнительные меры, которые необходимо принять по улучшению миграционной ситуации:

1) в настоящее время показатели миграции не входят в систему оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. В целях фокусировки местных властей на вопросах миграции, в муниципальных стратегиях и комплексных планах опережающего социально-экономического развития требуется предусмотреть набор мероприятий в данном направлении. Для координации этой работы при защите муниципальных прогнозов Минэкономразвития республики также будет организовано рассмотрение муниципальных документов стратегического планирования на предмет их соответствия региональным приоритетам, в том числе закладываемых мер по ликвидации оттока населения;

2) одной из особенностей миграционной ситуации Республики Башкортостан является высокая доля так называемого «транзита» населения. На него приходится 7,1% от всех жителей республики (по итогам 2017 года 37 место в РФ и 3 место в ПФО). Это говорит о недостаточном внимании вопросам «укоренения» приезжающего населения. Для этого необходимо проведение Академией наук совместно с Минтрудом республики детального анализа реальных потребностей рынка труда в иностранной и иннорегиональной рабочей силе, которую в среднесрочной перспективе не удастся закрыть местными работниками. В дальнейшем привлечение трудовых мигрантов следует

переориентировать именно на эту группу специалистов, гарантируя им трудоустройство.

Кроме того, с учетом региональной практики важно проработать вопрос содействия в первичном жилищном обустройстве привлекаемых квалифицированных специалистов из соседних субъектов России и зарубежных стран (в т.ч. путем компенсации части арендной стоимости жилья). В случае, если востребованные работники переселяются с семьями, необходимо обеспечить предоставление мест в дошкольных и общеобразовательных организациях для их детей;

3) еще одним потенциалом для наращивания входящего потока населения является развитие учебной миграции. Сегодня по отдельным наиболее востребованным для республики специальностям отмечается недостаточный уровень привлекательности для местных жителей. Считаем целесообразным предусмотреть квотирование для иннорегиональных студентов в республиканских учебных заведениях с обязательством последующей отработки на предприятиях республики;

4) в целях обеспечения положительного коэффициента миграционного прироста необходимо задействовать «внутренние резервы» в виде вывода из тени незаконных мигрантов. Возможным механизмом является активизация мер по легализации занятости в тех сферах, где по объективным причинам преобладает миграционный труд. Речь идет о строительной отрасли, коммунальном обслуживании, отдельных сферах услуг (автомойки, общественное питание, бытовые услуги), розничных рынках.

Таким образом, реализация обозначенных проектных инициатив позволит улучшить миграционную ситуацию в Республике Башкортостан и реализовать задачи, поставленные федеральным центром.

УДК 332

Р.Р. АХУНОВ, д.э.н, доцент, ДВА

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, г. Уфа

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В УСЛОВИЯХ НОВЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ

SOCIAL AND ECONOMIC PRIORITIES OF THE DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN THE CONDITIONS OF NEW NATIONAL OBJECTIVES AND TASKS

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению приоритетов социально-экономического развития Республики Башкортостан, сопряженных с целями и задачами Российской Федерации. Показано, что реализуемая в России региональная политика, особенно в части аккумуляции значительных объемов финансовых ресурсов на уровне федерального центра, в определенной степени ограничивает возможности территорий по реализации принципов их саморазвития. Отмечены позитивные характеристики и тенденции развития экономики Башкортостана, а также ее проблемы, решение которых предложено обеспечить в рамках обновленного перечня мероприятий Стратегии Башкортостан-2030, скорректированного с учетом современных национальных целей и задач развития.

Abstract. The work is devoted to the consideration of the priorities of social and economic development of the Republic of Bashkortostan, associated with the goals and objectives of the Russian Federation. It is shown that the regional policy implemented in Russia, especially with regard to the accumulation of significant amounts of financial resources at the level of the federal center, to a certain extent limits the capacity of the territories to implement the principles of their self-development. Positive characteristics and trends in the development of the economy of Bashkortostan were noted, as well as its problems, the solution of which was proposed to be provided within the framework of the updated list of activities of the Bashkortostan-2030 Strategy, adjusted to modern national development goals and objectives.

Ключевые слова: регион, Республика Башкортостан, социально-экономические приоритеты, национальные цели и задачи.

Keywords: region, the Republic of Bashkortostan, socio-economic priorities, national goals and objectives.

Траектория развития экономики субъектов Российской Федерации на современном этапе главным образом определяется трендом развития национальной экономики. Степень отклонения от страновой траектории зависит от двух основных факторов: структуры экономики региона и уровня ее диверсификации, определяющей ее устойчивость, и, в меньшей степени, качества регионального управления.

Следует отметить, что в последнее десятилетие наблюдается ограниченность инструментов управления на региональном уровне, причем, ключевым из имеющихся инструментов становится региональный бюджет, доля социальных расходов в котором в субъектах Федерации достигает до 85%, что не позволяет рассматривать бюджетные (региональные) инвестиции в экономику как существенный фактор развития. Сопровождается такая инструментальная ограниченность дальнейшим смещением центра принятия решения по ключевым предприятиям за пределы региональных юрисдикций. Концентрация крупнейших предприятий национального масштаба в экономике при этом растет, доля госсектора становится внушительной (70%).

Анализ социально-экономических результатов Башкортостана в 2017 году подтверждает тезис о сонаправленности векторов и совпадении траекторий развития страны и региона, а также высокой зависимости региональных результатов от общенациональных.

Ключевые социально-экономические показатели Республики Башкортостан в 2010-2017 годах в сравнении с предыдущими годами, демонстрирующие развитие региона, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Показатели, характеризующие социально-экономическое состояние Республики Башкортостан в 2010-2017 гг.* [1, 2]

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Численность населения, тыс. чел.	4072	4064	4061	4070	4072	4071	4067	4063
Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. человек	1770,6	1760,7	1797,1	1770,4	1761,9	1778,8	1757,5	1755,9

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Индекс физического объема валового регионального продукта, в % к предыдущему году	105,2	108,2	104,4	102,6	101,9	98,3	100,5	101,7
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, в % к предыдущему году	99,0	107,2	108,4	107,9	103,4	100,5	104,2	72,3
Налоговые и неналоговые доходы консолидированного бюджета, млрд руб.	99,8	108,1	119,7	126,8	133,0	143,9	160,3	165,4
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	16378	18397	20265	22377	24988	25928	28108	30148,7
Реальные располагаемые денежные доходы, в % к предыдущему году	101,1	99,0	105,4	104,4	101,2	94,4	96,4	97,5
Уровень безработицы (по методологии МОТ), %	8,9	7,6	6,1	5,8	5,3	6,1	5,8	5,6
Внешнеторговый оборот, млрд долларов США	10,6	13,8	14,5	15,6	15,0	8,2	6,3	5,0
Индекс потребительских цен за период с начала года, %	109,6	106,4	106,2	106,0	111,2	110,9	106,0	102,9
Индекс промышленного производства, в % к предыдущему году	110,1	109,8	105,7	102,3	103,9	101,3	102,6	102,3
Индекс производства продукции сельского хозяйства, в % к предыдущему году	65,2	142,9	87,2	116,6	100,9	103,1	100,9	102,8
Индекс физического объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», в % к предыдущему году	96,2	102,9	112,8	97,2	101,1	101,6	97,5	90,2
Индекс физического объема оборота розничной торговли, в % к предыдущему году	104,6	104,6	105,1	108,1	102,7	88,0	96,1	102,1

*По некоторым показателям дана предварительная оценка.

Социально-экономическое развитие Башкортостан в 2017 году на фоне развития субъектов РФ можно в целом характеризовать как

устойчивое. В пределах 102-103% роста продемонстрировали динамику такие сферы экономики, как промышленность, сельское хозяйство и розничная торговля. Так, за 2017 год индекс промышленного производства в Республике Башкортостан превысил 102%. Следует отметить, что динамика промышленного роста республики в целом за последние три года превышает среднероссийские значения.

Ключевым макроэкономическим успехом следует признать ощутимое замедление темпов инфляции в стране, что проецировалось и на уровень региона. Выросли налоговые и неналоговые доходы консолидированного бюджета. Благодаря профицитному исполнению бюджета, региональному Минфину удалось досрочно погасить некоторые банковские обязательства. В этом контексте Республика Башкортостан – регион, в котором проводится одна из самых «ответственных» бюджетных политик. Прежде всего, выражается это в недопущении дефицита бюджета, а также в умеренной и осторожной долговой политике, что в условиях макроэкономической неопределенности представляется целесообразным. Однако следует отметить, что республика находится в «средняках» по душевой бюджетной обеспеченности, что в условиях новых вызовов и задач, поставленных в рамках федеральной повестки, вероятно повлечет смягчение бюджетной и долговой политики региона. Как уже отмечалось выше, региональный бюджет служит основным инструментом регионального управления, и от его потенциала зависят возможности проведения социальной и экономической политики в регионе.

Сильными позициями характеризуется Республика Башкортостан по темпам развития сельского хозяйства: 2-е место по темпам роста животноводства в части скота и птицы на убой (в живом весе) и молока (хотя и наблюдается по последнему снижение объемов производства).

К числу наиболее проблемных аспектов развития региона в 2017 год следует отнести сокращение инвестиций, естественную убыль населения (при сокращении смертности с одновременным более существенным снижением рождаемости), падение реальных располагаемых денежных доходов, внешнеторгового оборота и строительства.

Существенным оказалось снижение объемов инвестиций в Республике Башкортостан, снижение объемов строительства, в частности жилищного строительства.

Снижение реальных доходов населения в 2017 году произошло на фоне беспрецедентного, как отмечалось выше, падения инфляции (индекс потребительских цен на товары и услуги в регионе составил 102,9%). В этих условиях соответствующее экономическое поведение домашних хозяйств обеспечило рост оборота розничной торговли при снижении объемов предоставления платных услуг.

Деловая активность имеет выраженную тенденцию концентрации в городах, население мигрирует в столицу региона, проблемный характер носит сельское развитие, начинает наблюдаться дефицит трудовых ресурсов в сельской местности, который, по нашим прогнозам, будет усиливаться [3].

Следует констатировать, что глубокий анализ территориального развития сегодня практически отсутствует, существуют трудности объективного понимания того, как тот или иной муниципалитет развивается в социально-экономическом смысле (об этом подробнее в [4]). Существующие показатели не всегда объективно отражают реальные социально-экономические процессы, порою являются объектом манипулирования. В этой связи важно понимание трендов развития муниципалитета. К числу индикаторов, позволяющих осуществить мониторинг социально-экономического благополучия муниципалитета, можно отнести естественное и миграционное движение населения («голосование ногами»).

Характеризуя в целом ситуацию с движением населения в Башкортостане, отметим, что естественная убыль 2017 года вызвана, главным образом, снижением показателя рождаемости. Рождаемость в 2017 году упала во всех регионах России, за исключением Чечни, где за год она практически не изменилась. Сокращение числа новорожденных, главным образом, объясняется малочисленностью поколения женщин детородного возраста, которые родились в 1990-х годах.

Существенную обеспокоенность вызывает обострение ситуации с младенческой смертностью, показатель которой допустил увеличение и достиг 6,8 умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми при показателе 2016 года, равным 6,0 (за 2017

год умерло 344 ребенка, что превышает показатель 2016 года (339, +1,5%)) при среднероссийском уровне 5,5%.

Миграционные процессы в регионе продолжили демонстрировать отрицательное сальдо (-2607) при -7390 в предыдущем году [5].

Приоритеты в работе экономического блока региональных властей были сделаны на вопросах, сформулированных главным образом в федеральной повестке. Это рост инвестиций, повышение производительности труда, развитие несырьевого экспорта, поддержка предпринимательства. К числу приоритетов социального развития несомненно следует отнести сферы здравоохранения и образования.

Они находят отражение в основных задачах Правительства Башкортостана на 2018 год (табл. 2).

Таблица 2

Основные задачи Правительства Башкортостана на 2018 год [6]

№	Разделы	Задачи
1	2	3
1	Социальная политика	- реализация региональных приоритетных проектов, мероприятий года семьи; - подготовка к Всероссийскому форуму семьи
2	Рынок труда	- снижение уровня безработицы, неформальной занятости; - повышение реальных располагаемых денежных доходов населения
3	Здравоохранение	- организация выездных форм обслуживания; - формирование медицинского кластера; - снижение младенческой смертности
4	Образование	-внедрение альтернативных форм дошкольного образования; - реализация федеральных приоритетных проектов; - совершенствование работы с одаренными детьми; - поддержка проектов профессиональной ориентации молодежи
5	Инвестиционное развитие	- повышение эффективности привлечения и сопровождения ключевых инвестиционных проектов; - внедрение новых инструментов поддержки реализации проектов
6	Промышленное производство	- организация деятельности ФРП; - решение проблемы энергодефицита в Зауралье; -развитие возобновляемой энергетики
7	Поддержка МСП	- развитие деятельности Региональной лизинговой компании; - запуск регионального проекта «Внедрение и интеграция сервисной модели поддержки МСП»

Продолжение таблицы 2

1	2	3
8	Сельское хозяйство	- разработка программы развития молочной отрасли; - строительство и реконструкция площадок по откорму КРС; - реализация проектов местных инициатив сельчан
9	Жилищное строительство	- завершение программы переселения граждан из аварийного жилья; - ликвидация незавершенного строительства
10	Транспорт	- модернизация инфраструктуры Уфимской агломерации; - совершенствование пассажирских перевозок
11	Жилищно-коммунальное хозяйство	- усиление взаимодействия с Фондом содействия реформированию ЖКХ; - формирование комфортной городской среды
12	Финансовая сфера	- наращивание налогового потенциала РБ; - снижение уровня долговой нагрузки и рыночного долга

Следует признать, что на современном этапе это важнейшие социально-экономические приоритеты. В тоже время, далеко не единственные. Ключевые проблемы социально-экономической динамики также находятся во внеэкономической сфере. И именно они, на наш взгляд, станут приоритетами посткризисного этапа развития страны и региона.

В настоящее время Республике Башкортостан инициирована чрезвычайно актуальная работа по формированию основных мероприятий по реализации разработанных инициатив в рамках Стратегии социально-экономического развития Башкортостана до 2030 года [7]. Ключевые инициативы направлены на сбалансированное территориальное развитие, гармонизацию семейных отношений в регионе, повышение эффективности государственного управления, развитие перспективных отраслей и рынков и др.

Послание Президента России Федеральному Собранию и Указ Президента страны [8, 9] требуют внесения существенных изменений в Стратегию социально-экономического развития Республики Башкортостан и муниципалитетов региона. В соответствии с целевыми показателями указанных выше документов Россия к 2024 году должна войти в число пяти крупнейших экономик мира, при этом прирост ВВП на душу населения до 2025 года должен составить 50%. По мнению экономистов [10], цели и задачи, обозначенные в

вышеупомянутых документах, беспрецедентны по своему масштабу и амбициозности.

В качестве ключевых экономических приоритетов выступают повышение производительности труда в экономике, рост инвестиций в основной капитал, развитие малого предпринимательства, рост несырьевого экспорта. Так, документы предусматривают необходимость обеспечения прироста производительности труда в отраслях материального производства не ниже 5% в год. Долю инвестиций в основной капитал в ВВП предполагается довести до 25%, а далее до 27% при значении 2017 года, равном 18%. Вклад малого предпринимательства в ВВП должен достигнуть к 2025 году 40% при нынешних 20%, а число занятых малым бизнесом 25 млн. человек при сегодняшнем значении 19 млн. Годовой объём несырьевого неэнергетического экспорта предполагается увеличить за шесть лет до 250 млрд. долл. (169 млрд. долл. в 2016 году), в том числе машиностроительного экспорта – до 50 млрд. долл. (24,4 млрд. долл. в 2016 году).

Кроме отмеченных выше экономических задач, в общем, как отмечалось выше, сформулированных и реализуемых в федеральной повестке в последние годы, к числу новых задач следует отнести повышение экспорта услуг образования, международного туризма, транспорта до 100 млрд. долл. в год. Предусматривается также увеличение затрат на развитие цифровой экономики за счет всех источников не менее чем в три раза, обеспечение к 2024 году повсеместного доступа к интернету, в том числе проведение волоконно-оптических линий к населенным пунктам, численностью проживающих свыше 250 жителей.

В Послании Президента России и Указе Президента в качестве одного из приоритетов развития страны выступает пространственный аспект, актуализируется вопрос территориальной «связанности» страны, реализации крупных логистических проектов. Это большой вызов для Башкортостана. Так, за шесть лет планируется увеличить расходы на строительство и обустройство автомобильных дорог до 11 трлн. руб., пропускную способность Транссиба и БАМа – до 180 млн. тонн, транспортные перевозки контейнеров по железным дорогам – в четыре раза, грузопоток по Северному морскому пути к 2025 году в 10 раз до 80 млн. тонн. Очевидно, что обеспечение социальной и

транспортной инфраструктуры сегодня становится ключевой задачей властей.

Следует отметить, что сильные соседи региона открывают большие возможности для региона в части реализации республиканской продукции на рынках соседних регионов, актуализируются перспективы вписывания Башкортостана в экономические цепочки межрегиональных рынков ПФО и УрФО. Однако сегодня следует констатировать, что приграничные районы республики демонстрируют ощутимую зависимость в своем развитии от близлежащих регионов-субъектов Федерации. Сильное конкурентное окружение приводит к тому, что соседние регионы ввиду своей географической близости «оттягивают» часть ресурсов из Республики Башкортостан. Этот вызов предполагает поиск научно-обоснованного ответа, определяющего активную роль и место экономики Республики Башкортостан в межтерриториальных кластерах. Считаем также необходимым приступить к инициированию мероприятий и механизмов территориального развития, заложенных в принятой в Башкортостане Стратегии до 2030 года. В числе которых – формирование агломераций (Уфимской, Южно-Башкортостанской), межмуниципальное сотрудничество и др.

Не вызывает никакого сомнения, что решение обозначенных экономических задач служит генеральной цели развития страны – качественному росту человеческого капитала, предполагающему приоритетность развития образования, здравоохранения, социальной поддержки населения. Президентские документы содержат чрезвычайно амбициозные социальные целевые ориентиры. К числу таковых следует отнести снижение уровня бедности за шесть лет в два раза с 20 млн. человек до 10 млн. При этом, численность населения, ежегодно улучшающих свои жилищные условия, должна увеличиться с 3 млн. до 5 млн. в год, а ежегодный ввод жилья к 2024 году должен достигнуть 120 млн. кв. м. с нынешних 80 млн., в том числе за счет снижения размера ипотечного кредита до 7-8%.

Ожидаемая продолжительность жизни к 2025 году должна достигнуть 78 лет до 2025 года и 80 лет до 2030 года, в том числе здоровой жизни в 2025 году – до 67 лет. Повышение данного ключевого показателя будет сопровождаться снижением смертности в трудоспособном возрасте на 100 тыс. населения за шесть лет с 530 чел. в 2016 году до 350 чел., младенческой смертности на 1000

родившихся живыми с 5,5 до 4,5. Ставится задача снижения за шестилетний период смертности в ДТП до 2024 года в 3,5 раза, от болезней кровообращения на 100 тыс. населения до 450 случаев, от онкологических болезней до 185 случаев, в том числе за счет увеличения медицинских расходов по отношению к ВВП до 5% с сегодняшних 4%.

С учетом поставленных национальных целей и задач, безусловно, требуется внесение изменений в Стратегию Башкортостана (табл. 3).

Таблица 3

Сопоставление некоторых социально-экономических целей Послания и Указа Президента РФ и Стратегии РБ (к 2025 году) [6]

Послание Президента РФ [8]	Стратегия СЭР РБ 2030	
Рост ВВП на душу населения в 1,5 раза	Рост ВРП на душу населения в 1,7 раза	
Ежегодный рост производительности труда не менее 5%	Ежегодный рост производительности труда 6,5-8,5%	
Рост доли инвестиций в ВВП до 25-27%	Доля инвестиций в ВРП 28,1%	
Прирост объемов строительства жилья в 1,5 раза (до 0,5 кв.м./чел.)	Прирост объемов строительства жилья в 1,1 раза (до 0,65 кв.м./чел.) Снизить уровень бедности до 11,7% Увеличить продолжительность жизни до 74,6 лет Рост несырьевого неэнергетического экспорта в 1,8 раз	Будут внесены изменения в Стратегию
Снизить уровень бедности до 6,7%		
Увеличить продолжительность жизни +80 лет		
Рост несырьевого неэнергетического экспорта в 2 раза		

В экономической науке и хозяйственной практике известен конфликт краткосрочных и долгосрочных целей социально-экономического развития. Так, мероприятия и проекты, которые нацелены на краткосрочный результат, могут вести к отрицательному результату в долгосрочной перспективе. И наоборот, то, что дает долгосрочный эффект, может быть недостижимо и иметь негативный результат в короткие сроки.

Несомненно, корректировка стратегического документа Башкортостана требует взвешенного подхода, основанного на научной аргументации и обосновании. Партнерство региональной власти и научных организаций должно строиться на основе ответственности, результативности и эффективности со стороны академической науки, предполагающей глубокое понимание региональных проблем и поиск имплементации знаний для

качественного решения этих проблем и проведение перспективных исследований, дающих ответы на стратегические вызовы региона, и всесторонней поддержки науки со стороны государственной власти.

Необходимым в этой связи должна стать опора на научное обеспечение мероприятий реализации Стратегии региона со стороны Уфимского федерального исследовательского центра РАН и Академии наук РБ, ВУЗов региона. Здесь следует отметить особую роль в координации академической и вузовской науки региона. В этой связи, следует отметить, что к 2024 году на национальном уровне ставится задача создания не менее 15 новых научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции университетов и научных организаций.

Сегодня важно разностороннее понимание экономики региона, не следует ограничиваться лишь отраслевым срезом и мониторингом видов экономической деятельности. В этой связи, видится актуальным проведение аналитического среза экономики региона, представляющего процессы и явления в макросекторах: крупном сырьевом, несырьевом, бюджетном, малом и среднем, теневом. Понимание протекающих в них процессах позволит инициировать и принять взвешенные и обоснованные экономические решения. К сожалению, в регионе так и не удалось приступить к разработке межотраслевого баланса, способного представить межотраслевые связи, выявить узкие места и резервы для развития региона. Не решена задача устранения ряда диспропорций в экономике, к примеру, между относительно сильным экономическим потенциалом и производимым продуктом и относительно догоняющим социальным развитием.

Роль стратегии региона – увидеть перспективы и альтернативы, определить приоритеты развития. В тоже время, утвержденная стратегия не должна стать догмой, препятствующей инициированию новых инициатив, отвечающих на вызовы времени. Следует понимать, что в современных условиях любая стратегия быстро устаревает в силу перманентных изменений технологий, образа жизни людей.

Список использованной литературы:

1. Официальная статистика [Электронный ресурс] // BASHSTAT.RU – Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистика по Республике Башкортостан. – Режим доступа: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/statistics/.
2. Аналитическая справка по региональному сравнению [Электронный ресурс] // ECONOMY.BASHKORTOSTAN.RU – Сайт Министерства экономического развития Республики Башкортостан. – Режим доступа: https://economy.bashkortostan.ru/dejatelnost/makroekonomika/analiz-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-rb/analiticheskaya-spravka-po-regionalnomu-sravneniyu/?PAGEN_1=2/.
3. Ахунов Р.Р. Исследование демографического развития Южно-Башкортостанской агломерации / Р.Р. Ахунов, А.В. Янгиров, В.Б. Прудников, А.Д. Мухаметова // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2017. – №3 (137). – 142 с. – С. 4-10.
4. Ахунов Р.Р. Методические основы оценки социально-экономического положения муниципальных образований Республики Башкортостан / Р. Ахунов, А. Янгиров, А. Рабцевич // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2018. – № 2 (140). – 133 с. – С. 4-13.
5. Миграция населения в Республике Башкортостан: статистический сборник. В 2 ч. Ч.1 / Башкортостанстат. – Уфа. – 2018. – 189 с.
6. Расширенный отчет о результатах деятельности Правительства Республики Башкортостан в 2017 году // Сайт Правительства Республики Башкортостан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravitelstvorb.ru/ru/government/reports.php?ELEMENT_ID=18230.
7. Стратегия социально-экономического развития Башкортостана до 2030 года // Сайт Министерства экономического развития Республики Башкортостан. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://economy.bashkortostan.ru/upload/iblock/b5c/proekt-strategii-sotsialno_ekonomicheskogo-razvitiya-respubliki-bashkortostan-na-period-do-2030-goda.pdf.
8. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 01.03.2018 г. // [Электронный ресурс] –

Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976.

9. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432.

10. Аганбегян А.Г. О перспективах экономического развития страны по реализации Указа Президента Российской Федерации В.В. Путина от 07 мая 2018 г. // Доклад в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 06 июня 2018 г.

THE RELATIONSHIP BETWEEN TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT AND REGIONAL DEVELOPMENT THROUGH SMART CITIES

Аннотация. Реальное развитие регионов требует новых, нетрадиционных взглядов на использование технологий в интегрированной системе интеллектуальных городов как центров развития. Речь идет не об отдельных решениях отдельных сегментов территории, а о создании видения и концепции «умных городов», которые включают интеграцию отдельных процессов в инфраструктурные сегменты экономики и общества. Центры регионов должны создаваться для того, чтобы сеть, охватывающая всю территорию, создавала интеллектуальный / умный регион, а не только интеллектуальные / умные города. Роль умных городов состоит в активизации, трансформации и использовании человеческого потенциала для обеспечения мультипликативного эффекта человеческого капитала за счет выживания человека в регионе и обеспечения его полноценной жизни.

Abstract. The real development of the regions requires new, unconventional views on the use of technologies in the integrated system of smart cities – as centers of development. It is not about isolated solutions of individual territory segments, but the creation of a vision and the concept of smart cities from the bottom, which involve the integration of individual processes in the infrastructure segments of the economy and society. Centers of the regions should be created in order to network, cover the whole territory, so that the intelligent/smart region, not only intelligent/smart cities, is created and functioning. The role of smart consists in the activation, transformation, and utilization of human potential to secure the multiplier effects of human capital through the survival of man in the region and securing his full-fledged life.

Ключевые слова: региональное развитие, технологическое развитие, инновационные подходы, умные города, Словацкая Республика.

Keywords: regional development, technological development, innovative approaches, smart cities, Slovak republic.

Despite the positive macroeconomic results, the growth of average wages and the decline in unemployment, a relatively large number of regions of the Slovak Republic suffer from a high proportion of long-term unemployment, population ageing, very low wages and incomes, and rising household indebtedness [1]. The population of large cities is growing, social and environmental problems are increasing, and climate change is becoming a major challenge. New approaches to problem solving and the challenges themselves require extensive investments. An important source of funds for cities and municipalities in the EU is the European Investment Bank (EIB) [2]. During the period 2011-2016, it provided 128 billion EUR to EU Member States for the development of urban infrastructure. It provides framework and mediated loans for sustainable public administration projects and technical support through the Jaspers instrument. In addition, cities and municipalities are receiving funding from the European Structural and Investment Fund. Although EU funds are the most criticized financial instruments, they account for up to 80% of public investment in the Slovak Republic. The Central coordinating body in the Office of the Deputy Prime Minister of the Slovak Republic oversees 15 operational programmes with a total allocation of 15 billion EUR by 2023 [3]. Other instruments are community programmes such as HORIZON 2020, COSME, URBAN and EUREKA, which are centrally managed by the European Commission. Slovakia does not yet have a specific operational programme for projects supporting the transition to smart cities. Public finances in the Slovak Republic are fragmented and isolated. Examples from abroad show that public investments in smart cities need a completely different approach and a significant bottom-up initiative. In Slovakia, however, there is the opposite approach; municipalities are waiting for development plans and subsidies from the state. In addition, there is still little awareness of the fact that urban development should become a much stronger element in regional development. The individual elements of cities don't communicate with one another and the citizens, or with the external environment. This is also the case at the level of state administration bodies. Slovak cities live from the past, and their investment debt is growing. Cities do not feel responsible for their economic development or

for improving the business environment; they hold the state responsible for these matters. And the state wants structural changes.

When thinking about the relationship between regional development and smart cities, it is necessary to build on the hierarchy of individual steps that ensure this development. We mean the development of the region not only from the aspect of technological progress. The primary concern appears to be the creation of a vision of the region by the bottom-up initiative, in which the roles of smart cities and their interrelationships are identified – defined. In the case of smart cities it's not just about the technology; it's an integration of cross-cutting creative approaches. It means that it is about interconnecting individual technical "gadgets", which should lead to a change in the form of the centre. It does not mean an isolated solution to the issues of intelligent transport, intelligent housing, and so on, but a creation of an internally linked unit through the functioning of smart technologies.

The most discussed area in the EU is so-called smart energy, which is considered to be the most important. It is understood and presented as too isolated from other segments of the economy, even in the regional projection. However, smart energy means not only its connection with intelligent housing, but also intelligent transportation, the business sector, intelligent healthcare, lifelong learning, etc. The basic concept of smart cities represents the integration of individual processes in these segments, sectors, economic infrastructure and society. It is similar to Industry 4.0, where we're not only talking about robots and cognitive production, but also about new materials, sensory systems, data repositories, Big Data systems, and artificial intelligence. Materials of Slovak origin present only isolated, non-systemic and non-interdisciplinary views in this context.

If we want to talk about smart cities we need to clarify what the fundamental condition is for their functioning. It is information and its collection, processing, and storage. In the case of collecting and storing data, it means the need to build virtual systems that track the vital functions of the city and region. Integration of city information will integrate access to the region as such. At the same time, it's necessary to have data storages that are secure, which means creating security protocols for cloud data storage (legislative conditions). Smart means intelligent, which represents intelligent housing, intelligent transport, intelligent healthcare and education, and intelligent public administration. It's not possible to select only one segment and leave the others in their original

state. This means that it should be a simultaneous change in all relevant areas. Ensuring such change – integration – is possible if all types of information are designed to create a complex, plastic image of the city and region, and to prevent the creation of isolated systems. This doesn't mean the cooperation of individual ministries, but an information system linked to a particular agglomeration that operates under a particular higher territorial unit (HTU) and a magistrate of the city, which are responsible for the interconnection of individual territorial information. For example, the key problem of cities is transportation, and the general solution is that combustion engines will be replaced by electric cars. But, within the issue of smart cities, the solution is not such replacement while maintaining the density of traffic, which would only lead to traffic collapses again, but the creation of intelligent traffic. That means that it's necessary to monitor not only the density of traffic, but also to consider the complementarities of transport (in case of inter-city traffic it's transportation using autonomous buses and trains; in the case of traffic within agglomerations, it can be transportation by means of autonomous cars and a sky way). Seeing as though it is essential to develop visions for smart cities in order to increase the "smartness" of cities, it is necessary to take into account the structure of their population and transport service in terms of future modes of transport. When the factual and technical framework of the vision is clear, the creation of a legislative framework of the model follows. In the Czech Republic, unlike in Slovakia, regions such as Brno, Ústí nad Labem and Hradec Králové have already started to develop these visions. In Europe this has started in cities such as Lyon, Marseilles, and Cologne. As for Slovakia, we assume that the first visions of smart cities and their implementation will not be in Bratislava – the capital of the Slovak Republic - but rather in Nitra, Trnava, Prešov, or Košice.

How should we approach the creation of the smart city vision, something that should be based on technology and represent the core of viability of an entity – region? In the first stage, it's necessary to select the key driving elements, which to a large extent represent the developmental potential of the region. This can be, for example, tourism (not from the current perspective of a broad-spectrum client focus) but fixed on selected groups of clients according to the chosen type of tourism. In the case of weekend tourism, they're clients who will come for 3 days and who will require adequate transport availability and a network of accommodation capacities. But there will be regions where the development core will be

based on utilizing the potential of agricultural production or on the transit system of inter-modal transport, etc. This must be defined for each region, as only the region itself has the relevant information about its potential.

Each city has its conceptual departments, which are responsible for regional development plans. For example, the development of Košice region can be based on three basic areas. The first one is the development of the IT sector. It's not just because there are a lot of people working in it, but mainly because the decisive portion of them is working for one company (TSystem Slovakia). Their activity is the production of software for cloud data storage and data streams. Smaller companies in the region that employ other IT staff could work on security systems and protocols. In nearly a thousand companies with one IT employee, the attention could be focused on the connection with metallurgy, transportation and inter-modal transit, which represents not only high employment in the region but also economic power and a link to exports. In this region, there is a need to return to the utilization of the potential of natural resources, such as talc and limestone, to magnesite production, and to the specific development of tourism. There is also the issue of more significant use of Košice airport in charter flights in relation to such development of weekend tourism, which utilizes the visit rate of exceptional technical and historical monuments of European significance. However, many of these are in need of repairs. In a number of cases, these are structures in former industrial zones (brownfields) that can be dealt with more effectively this way. It should be remembered that there is a general trend of increased interest in technical and historical monuments, which tourists seek to perceive in a comprehensive way with regional cultural and natural elements (culinary, folklore, mountain tourism, and water sports). They are interested in perceiving the complex image of the region in the background of its historical changes. This means that, within the framework of these services, there is a demand for accommodation, transport, and information provided by small and medium-sized enterprises in the region. The essence of the changes towards better use of the developmental potential of Košice region is to provide real-time information flows, to link the different types of infrastructure and services, and to create a comprehensive offer for the IT sector, tourism, and metallurgy. An important element from the present viewpoint seems to be the creation of an inter-modal complementary centre of individual modes of transport, which is connected to Chinese transport routes. An enormous potential for Košice region is in the

constructed north-south and east-west route. More and more truck traffic from Poland passes through Košice to Hungary. Most trains that will carry goods in containers from China will be crossing through Košice region, meaning that an inter-modal transport centre is significantly important.

Given that there are enormous budget holes and deficits in the EU, it is necessary to re-evaluate the structure of the Euro funds. Some funds, such as the Cohesion Fund and the regional funds, will "disappear", leaving only a few key priority areas to be supported through the Euro funds. Currently, it is accepted that these supported areas will be intelligent energy, smart cities, and high-speed railways covering the territory of the EU, connecting to the high-speed rail system that China is building through Asia in connection to the new "Silk Road". Intelligent energy includes the environmental protection of the city as a subsystem of the development of smart cities. This means that the EU will direct funds only to these areas and it will adjust the legislation on Euro funds and their deployment, and the individual Member States will be forced to adapt to that. While domestic funding is currently at the level of 5-15%, it will be at 20-40% in the future. If the need for funding from own resources increases, it will be necessary to switch to combined financing, which will contain 6-8 types of financial resources with an alternative weight transfer of resources according to project type. Projects will be considered "smart" when they demonstrate multiplicative effects and the willingness to fund them will exist with the current surplus of capital. If these are to be cross-cutting projects with multiplicative effects, then they will have to include several cross-linked areas (energy, transport, ecology, waste management, information, etc.).

The state is currently "aware" that, despite new technologies, it's not able to fund complexly integrated regions, and that is why there will be a shift of competencies. In order for the region to "earn a living", it must have at least 800,000 inhabitants, which will put pressure on the size of regions and settlements. We assume that the effects of smart city projects will "radiate" into other regions – settlements, even the smaller ones. That is why it is more appropriate to talk about the smart region and smart cities in context. The tasks and the interconnection of individual specialized centres must be interlinked with information technologies in order to achieve multiplication effects throughout the region. In that case, the overall utilization of the human potential of the region comes into a different point of view. The primary focus would not be on profitability for

all entities, but on the understanding of the region's configuration, a realistic consideration of its strengths and weaknesses. In most regions, the basic strength is the population itself, which cannot be "malnourished" in terms of income, and set to leave the region. It's necessary to make the region attractive especially for the domestic population. The regions' centres should be created to achieve networking, coverage of the whole territory, so that not only intelligent cities but also an intelligent region is established and functions. It's also necessary to know where the neighbouring regions are heading so that the new smart region won't remain "hanging in the vacuum". All the intelligent regions in the country will be interconnected in this manner. This will create a view of differentiated specialized regions with their strengths and weaknesses. The new technologies are the ones that connect the strengths and eliminate the weaknesses of the regions. This new view may also become a certain approach to address the income inequalities of Slovakia's regions and also shed some light on the polarization processes of society.

Two types of "deficit" represent a significant problem at present. A deficit on the income and property polarization side, which damages consumer society. The second one is the persistent inability to address inter-regional income disparities, which leads not only to a significantly differentiated distribution of the population among the regions, but also to the departure of the population from the poor regions to the rich ones. This departure eliminates the strengths of regions with significant natural potential, because the human factor is a basic capital. The role of smart lies in the activation, transformation, and utilization of human potential in the direction of ensuring the multiplying effects of human capital. Not through the lens of wages and employment, but through ensuring the dwelling of a person in the region, ensuring his full-fledged quality of life, which is the purpose of the overall technical aspect. This may mean that, for example, it is not necessary to travel to Bratislava to visit a theatre because it is possible to enjoy a 3D performance at home, in the countryside, in connection with nature, which becomes one of the key issues in the future quality of human life. Thanks to new technologies, even in small rural settlements that have so far been discharging waste into rivers, it will be possible to achieve a reasonable rate of recycling and environmental protection, and it will be possible to transmit a huge amount of information on the state of the hazards and the options for addressing them in connection to climate problems or atmospheric catastrophes. Space ceases

to be a phenomenon that can be viewed as being loss-making or limiting for people who live in remote settlements. This means a significant contribution to the education, work, health and cultural needs of people, as new technologies compensate for this in the integrated smart region.

If the foundation is to ensure a meaningful and full life for every member of society, then the technical side will represent the infrastructure. Man will be able to move to a qualitatively higher level in shaping his own life. Human potential is the one that will shape the future productive availability of the smart region, not the disorganized consumption generated by the effort to increase the profits of a narrow group of the rich. New technologies allow us to hold a mirror up to the future meaningfulness of the region's functioning. It seems that Industry 4.0 "opened the door" for possibilities of better use of human capital, though, on the one hand, there is a threat of a radical reduction of the need for work. On the other hand, man will gain time that can be utilized.

The approach of monitoring the contributions of Industry 4.0, along with the digitization of the economy and society, through income polarization, inequality and consumption, brings a qualitatively new form in the field of adaptation processes. In them the regional level shows how to find solutions through integrated intelligent regions and smart cities for the optimal and meaningful use of human resources, using smart infrastructure and the shift in solving issues of polarization and inequality. It's possible that this will allow better identification of the logic concerning the functioning of society and of the illogical elements in it. The development of regions through the development of smart cities can be in itself something that overlaps the real objectives of Industry 4.0's implications. Therefore, it's necessary to think about the logic of the system of regions, the people in it, the production possibilities, and the system of society's functioning as a whole. This complex should be logically investigated in relation to the rapidly changing natural environment as part of the adaptation processes that lead to the transformation of the system into a sustainable form, which means survival. This is how the leadership of the EU gains a new form at the level of regions and the centre. A return to the 1994 European regions development strategy can be expected, where most regional problems are not addressed at the level of central government, and the role of the centre will be to set a common universal goal in the form of society's future image in a certain time period. The whole essence of smart technologies is

to give man a chance to develop, to teach him to work on himself in real time and space.

Resource:

1. PAUHOFVÁ, Iveta a kolektív. Súvislosti príjmovej polarizácie na Slovensku II. 1. vyd. Bratislava: Ekonomický ústav SAV, 2017. – 230 s. ISBN 978-80-7144-237-8.

2. European Investment Bank. Regional development. [online]. – URL: <http://www.eib.org/projects/sectors/regional-development/index.htm>.

3. Všetky práva vyhradené. Operačný program Integrovaná infraštruktúra. [online]. – URL: <https://www.vicemier.gov.sk/index.php/projekty-financovane-z-esif/operacny-program-integrovana-infrastruktura-2/index.html>.

УДК 519.876.5; 314.74; 314.186; 004.942

В.Л. МАКАРОВ, академик РАН, проф., д.физ.-мат.н.,

А.Р. БАХТИЗИН, член-корреспондент РАН, д.э.н.,

Е.Д. СУШКО, к.э.н.

Центральный экономико-математический институт РАН, г. Москва

ИНСТРУМЕНТЫ ОЦЕНКИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СИСТЕМЕ РАСПРЕДЕЛЕННЫХ СИТУАЦИОННЫХ ЦЕНТРОВ

TOOLS FOR ESTIMATING GOVERNMENT DECISIONS IN A SYSTEM OF DISTRIBUTED SITUATION CENTERS

Аннотация. В работе рассматривается концепт методологии построения агент-ориентированных моделей, особенностью которой является воссоздание в рамках единой программной платформы нескольких частных моделей (социальной, экономической, экологической и др.). Такая платформа предлагается в качестве основного инструмента оценки управленческих решений в системе распределенных ситуационных центров.

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РФФИ № 17-06-00169.

Abstract. The paper considers the concept of methodology for constructing agent-oriented models, the feature of which is the re-creation of several particular models (social, economic, environmental, etc.) within a single software platform. Such a platform is proposed as the main tool for evaluating management decisions in a system of distributed situational centers.

The study was carried out with the financial support of RFBR project No. 17-06-00169.

Ключевые слова: ситуационные центры, агент-ориентированные модели, государственное управление.

Keywords: situational centers, agent-based models, public administration.

Компьютерное моделирование на современном этапе развития стремится к возможности создания разнообразных искусственных (цифровых и электронных) объектов. Так, например, при помощи вычислительной техники были реализованы цифровые модели

турбин, автомобилей, самолетов и других сложных изделий. Разработанные модели позволили настолько точно имитировать функционирование физических оригиналов, что их использование позволило проводить различные вычислительные эксперименты, заменяющие натурные, и обеспечило тем самым новые возможности и большую экономию при проектировании подобных изделий. Аналогично созданию цифровых копий изделий, развитие компьютерных технологий позволило проектировать искусственное, или цифровое, общество. Особенно широкие возможности для максимально приближенного к действительности воссоздания в искусственной среде структуры и особенностей функционирования реально существующего общества предоставляет современный подход к имитационному моделированию больших систем (систем с активными элементами, способными к самостоятельному и несинхронному поведению) – а именно, агент-ориентированный подход.

Современные информационные технологии позволяют осуществить революционные преобразования и в сфере управленческих технологий. Причем, революционный прорыв в сфере управления может произойти только тогда, когда станет возможным не только автоматизировать привычные управленческие действия, но и выполнять принципиально новые, ранее невозможные действия. В качестве примера можно привести внедрение «электронных советников» – нового инструмента в сфере информационных технологий. Таким «советником» может и должна служить система поддержки управленческих решений, включающая программные комплексы, реализующие различные методы математического и/или компьютерного моделирования.

На наш взгляд, модельный комплекс регионального (федерального) ситуационного центра должен позволять проводить компьютерные эксперименты (симуляции), в ходе которых можно было бы рассматривать как различные сценарии развития внутрирегиональных социально-экономических и общественно-политических процессов, так и различные сценарии изменения внешней для региона среды и их влияния на эти внутренние процессы. Причем, изменение внешней среды и внутренних процессов может быть вызвано, в том числе, и реализацией крупных проектов и/или целевых программ. Наилучшим подходом к решению

такой масштабной задачи служит создание искусственного общества, являющегося достаточно реалистичной копией реального социума. Эта реалистичность достигается за счет максимально правдоподобного воссоздания всех основных особенностей моделируемого региона, а также поведения его активных акторов (людей-жителей, предприятий и т.д.) – не только особенностей самого общества, но и условий, влияющих на состояние и поведение этого социума.

Сюда следует отнести состояние природной среды региона, его экономики, социальной сферы, особенности формирования и распределения бюджета, а также состояние окружающих регионов-соседей.

Только такой комплексный подход к моделированию, учитывающий структуру общества и поведение его активных членов, участвующих одновременно во многих процессах, позволяет создавать реалистичную картину его динамики, причем, сбалансированную по основному ресурсу – человеческому капиталу региона. Поэтому речь должна идти о создании единой модели, детализированной до уровня отдельных индивидов, на базе которой можно будет прогнозировать динамику и социально-экономических, и общественно-политических параметров региональной системы.

Кроме того, необходима привязка модели к геоинформационным системам, а также развитый интерфейс, позволяющий в ходе диалога управлять ходом компьютерного эксперимента для рассмотрения различных сценариев.

Таким требованиям, как уже отмечалось, соответствуют агент-ориентированные модели, которые к тому же можно разрабатывать поэтапно, блоками, используя единую информационную базу.

Отметим, что модели этого класса за рубежом стали своего рода стандартом для ситуационных центров (или Situation Room), функционирующих как в правительственных органах, так и на уровне крупных корпораций. Так, в США уже более 10 лет со стороны DARPA идет финансирование разработки инструмента на базе агентного подхода, позволяющего моделировать военные операции и проигрывать различные варианты боевых действий с целью нахождения наиболее эффективной стратегии для заданной местности с учетом имеющегося арсенала и количества боевых единиц.

В сентябре 2006 г. стартовал проект по разработке крупномасштабной агентной модели европейской экономики (EURACE, т.е. Europe ACE (Agent-based Computational Economics)) с очень большим количеством автономных агентов, взаимодействующих в рамках социально-экономической системы. В проект вовлечены экономисты и программисты из восьми научно-исследовательских центров в Италии, Франции, Германии, Великобритании и Турции, а также консультант из Колумбийского университета США – нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц.

В Китае консорциум, в который входят Национальный суперкомпьютерный центр, ряд университетов и Министерство финансов КНР, постоянно развивает симулятор (созданный на базе агентного подхода) для имитации экономических войн, включающий в себя несколько сот миллионов агентов, представляющих 150 основных стран мира.

В свою очередь, в ЦЭМИ РАН, агентный подход к моделированию разрабатывается с 2005 года. Ниже приведено краткое описание моделей различной степени готовности.

1. Основной, базовый блок – демографическая модель региона. Позволяет получать средне- и долгосрочные прогнозы изменения возрастно-половой структуры населения с учетом его пространственного размещения.

2. Модель формирования человеческого капитала с учетом состояния природной среды (экология) и социальной сферы (образование, здравоохранение). Позволяет получать средне- и долгосрочные прогнозы изменения качества и структуры человеческого капитала региона с учетом его пространственного размещения.

3. Модель использования человеческого капитала в различных отраслях общественного производства. Позволяет получать средне- и долгосрочные оценки изменения объемов производства в различных отраслях с учетом пространственного размещения.

4. Модель поведения человека (включая девиантное/противоправное) в зависимости от структуры его личности и условий внешней среды, учитывающая различные жизненные цели человека, их значимость, а также критерии оценки достижения поставленных целей. Позволяет получать оценки

изменения уровня недовольства населения и отдельных его групп с учетом их пространственного размещения.

5. Модель для оценки реакции на внешнеэкономические и политические ограничения и санкции.

6. Модель управления экологией региона. Позволяет получать средне- и долгосрочные прогнозы изменения уровня загрязнений в зависимости от принимаемых мер регулирования выбросов (в том числе, торговли выбросами) с учетом пространственного размещения производства и стационарных источников выбросов.

7. Модель прогноза формирования общественного мнения и оценок под влиянием СМИ, социальных контактов и условий жизни.

8. Модель управления бюджетным процессом региона. Позволяет получать средне- и долгосрочные прогнозы изменения состояния человеческого капитала региона, а также его экономики в зависимости от изменения бюджетной политики с учетом пространственного размещения производства.

Модели должны разрабатываться как типовые, с тем, чтобы их можно было с минимальными усилиями адаптировать к условиям различных регионов. В первую очередь, это обеспечивается использованием в качестве информационной базы стандартной статистической информации, а также имеющихся региональных баз данных и геоинформационных систем.

Разработанные модели способствовали формированию методологии построения моделей этого класса, особенностью которой является воссоздание в рамках одной программной платформы нескольких частных моделей – социально-демографической структуры населения региона, его природной среды, и, кроме того, структуры экономической системы таким образом, чтобы реалистично имитировать происходящие в этих сферах процессы. Действующими агентами в рамках модели являются как люди, так и организации, принимающие информацию из внешней среды и действующие согласно своим установкам, а более крупные агенты, такие как муниципалитеты и регион в целом как административная единица и как часть экосистемы – служат для них этой внешней средой. Ниже рассматриваются типовые блоки, входящие в состав программной платформы.

Население региона. Данный блок представлен популяцией людей – агентов первого уровня, обладающих определенным набором

свойств (пол, возраст, активность, уровень образования, здоровье, сфера деятельности, трудолюбие, опыт работы, доход и др.). Эти свойства у разных агентов имеют различные значения, зависящие от статистических данных о фактическом распределении этих свойств на совокупности жителей определенного моделируемого региона. Суммарной характеристикой «полезности» агента трудоспособного возраста с позиции его участия в производстве является трудовой потенциал, который зависит от уровня его трудолюбия, образования, здоровья и стажа работы. Помимо этого, агентам первого уровня, так же как и агентам-организациям, присваиваются характеристики, определяющие степень влияния агентов на экологию их места жительства (соответствующего муниципального района).

Агенты обладают определенной «системой ценностей» в виде относительной значимости основных жизненных устремлений и соответствующих критериев оценки удовлетворенности своим положением. Активность агентов проявляется в их *поведении*, т.е. возможности совершать в течение симуляции определенные действия (например, изменять свои характеристики), а это служит основой для имитации социально-экономической жизни региона с позиций поведенческой экономики.

Агенты первого уровня, находясь в трудоспособном возрасте, стремятся достичь более высокого качества жизни, а в случае недовольства своим положением могут менять вид деятельности, повышать свою квалификацию, а также мигрировать за пределы региона. Отметим, что показатель качества жизни – синтетический, в модели он является агрегатом, с которым соотносится ряд показателей (к примеру, уровень дохода, экологическое состояние территории проживания и др.). В свою очередь значимость критериев для каждого агента является индивидуальной, а веса присваиваются в процессе инициализации модели (в момент создания агента) и в сумме составляют единицу, но при этом они могут меняться в зависимости от внешних факторов. К примеру, снижение дохода до критического для агента уровня или ухудшение экологии могут побудить к соответствующим действиям. Идеологической основой процедуры, реализующей поведение агентов в модели, является описание структуры поведенческого акта из теории функциональных систем физиолога П.К. Анохина.

Трудовой потенциал всех агентов первого уровня в модели является фактором труда для соответствующих агентов-организаций. Отметим, что на трудовой потенциал оказывают влияние условия внешней среды (экология, медицинское обслуживание и др.). В свою очередь, снижение уровня здоровья агентов в зависимости от ухудшения экологической ситуации определяется в процессе калибровки модели в соответствии с показателями здоровья населения территорий, отнесенных в Методике, утвержденной Минприроды России, к зонам чрезвычайной экологической ситуации или экологического бедствия.

Модель экономической жизни определяется двумя аспектами – функциональным и пространственным. Первый из них формализован в виде модели производства, осуществляемого агентами-предприятиями и зависящего от факторов, меняющихся при определенных правилах. Второй определяется пространственным размещением производства, а также необходимых его составляющих – ресурсов, транспортной инфраструктуры. Все эти компоненты имеют географическую привязку в рамках геоинформационной системы. Агенты-предприятия (в зависимости от специфики) также могут загрязнять среду отходами разного вида и таким образом оказывать влияние на состояние природной среды.

Модель природной среды предназначена для отслеживания состояния имеющихся природных ресурсов, необходимых для комфортной жизни людей и благополучия экономики – таких как чистая вода, чистый воздух, полезные ископаемые, сельскохозяйственные угодья и т.д. Основана на многослойной карте территории региона (ГИС-карте), которая включает: карту месторождений полезных ископаемых; физическую карту с системой водных ресурсов; карту загрязнения атмосферы. ГИС-карта дополнена процедурами, позволяющими рассчитывать уровни загрязненности природной среды и их изменения во времени как от естественных причин, так и вызванные деятельностью человека.

Расчеты уровней загрязненности проводятся для каждой из трех сред: загрязнение воздуха, загрязнение воды и засорение твердыми отходами. После чего агрегируются для получения интегральной оценки экологической нагрузки на территорию и сравнения ее с экологической емкостью данной территории – то есть, нагрузкой,

которая еще не приводит к деградации и необратимым изменениям природной экосистемы.

Общественное устройство. Основано на карте административного деления. Представляет собой множество критериев оценки социального, экономического и экологического благополучия региона в целом и муниципальных образований в его составе, а также систему полномочий в отношении находящихся на его территории агентов. Система полномочий, куда входят ставки налогов и штрафные санкции за загрязнение природной среды, а также распределение доходов консолидированного бюджета региона между бюджетами двух уровней (бюджетом субъекта РФ и бюджетами муниципальных районов), соответствует существующему законодательству, но доступна для манипулирования пользователю модели при проведении компьютерных экспериментов. Пользователь также может управлять распределением бюджетных средств на социальные нужды и на общественно значимые проекты, в том числе, направленные на улучшение экологического состояния территории.

УДК 332.122

С.А. СУСПИЦЫН, д.э.н., проф.

Институт экономики и организации промышленного производства
СО РАН, г. Новосибирск

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ОТНОШЕНИЙ РЕГИОНОВ И ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА

ABOUT CHANGING THE RELATIONS OF THE REGIONS AND THE FEDERAL CENTER

Аннотация. В работе рассматривается система взаимоотношений между субъектами Российской Федерации и федеральным центром. Дана оценка основных тенденций развития данных отношений и проблем, возникающих в ходе реализации стоящих перед регионами социально-экономических задач. На примере крупнейшего мегарегиона – Сибири – показаны узкие места и недоработки предлагаемого к реализации инструментария регионального управления. Обоснована необходимость и целесообразность обновления государственной региональной политики в РФ.

Abstract. The system of mutual relations between subjects of the Russian Federation and the federal center is considered in the work. The estimation of the basic tendencies of development of the given relations and the problems arising in the course of realization of social and economic problems facing the regions is given. The example of the largest mega-region – Siberia – shows the bottlenecks and shortcomings of the proposed regional instruments for implementation. The necessity and expediency of updating the state regional policy in the Russian Federation is grounded.

Ключевые слова: регион, система взаимоотношений, субъекты Российской Федерации, федеральный центр, тенденции развития, социально-экономические задачи, региональная политика.

Keywords: region, system of relations, subjects of the Russian Federation, federal center, development tendencies, social and economic tasks, regional policy.

С первых перестроечных дуновений прошло без малого 30 лет. За такой срок многие страны, вставшие на путь глубоких

экономических и общественных преобразований, во многом их завершили и достигли заметных успехов в социально-экономическом развитии. У России же, как всегда, все еще впереди, и это светлое будущее, нам является в многочисленных программных документах, таких как Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, стратегиях прорыва, и модернизации всея и всего. Далекое не очевидно, что, наконец-то, мы обречены на успех. Осознавая наше глубокое отставание от развитых стран, экспертное сообщество и окол властные структуры с маниакальным упорством ищут чудо-драйверы экономического развития России и предлагают разные рецепты полного оздоровления тяжело больного, вплоть до экзотических – типа «обогнать, не догоняя». Власть же, действуя в реальном масштабе времени, часто несистемно и несвоевременно, тем не менее, формирует общий вектор развития, благодаря которому страна заметно меняется от периода к периоду. Россия 2000-х годов непохожа на Россию 90-х годов прошлого века, а ее современный облик уже не тот, что в славные докризисные годы.

Находясь в постоянном движении, социально-экономическая система России (включая объекты и субъекты управления, законы, правила, институты функционирования и взаимодействия агентов экономики) представляет к настоящему времени многомерную мозаичную структуру с элементами всех цветов и конфигураций. В ней соседствуют и какие-то ростки экономики знаний, и современные финансовые институты, и сельхозпредприятия, недалеко ушедшие в своей основе от середины прошлого века (а где-то и начала), и промышленность с полной гаммой позавчерашних, вчерашних, сегодняшних и даже завтрашних технологий (последние, правда, можно разглядеть лишь при сильном увеличении). А что говорить про «надстройку», которой до сих пор милее и ближе порядки «эпохи первоначального накопления капитала», чем цивилизованных экономических отношений. Из этой мозаики по желанию можно сложить любые красивые или, наоборот, безобразные и хаотичные картины, которые возможно использовать в сколько угодно продвинутых обобщениях в любом направлении – и как основания для самых пессимистических прогнозов, и как плацдарм для весьма радужных оценок. И тем более для бесконечных промежуточных интерпретаций и интерполяций.

Возможность проведения сколько-нибудь системного анализа сильно осложнена многими факторами:

- сложностью самой системы;
- исключительной подвижностью структурообразующих факторов, включая изменения в мирохозяйственной системе в целом;
- объективной необходимостью изменения каких-то ее частей на ходу с постоянными в силу этого конфликтными столкновениями «вчерашних» и «завтрашних» атрибутов функционирования;
- непродуктивностью часто практикуемых попыток аналитиков получать общую картину из суммации отдельных частных оценок;
- зачастую сомнительной, мягко говоря, квалификации таких интерпретаций, не говоря уже о возможной их политической ангажированности.

Своеобразным апофеозом отказа от системных исследований процессов экономического развития являются все более громкие голоса о кризисе экономической теории вообще, о полной непредсказуемости возможного хода событий, о грозящей катастрофе мировой экономики и им подобных страшилок.

Было бы неправильным и нечестным не замечать прогресса в развитии страны и большинства регионов в период после 2000 г., что напрямую связано с той социально-экономической политикой, которая проводилась и проводится федеральным центром и транслируется региональным администрациям. Но каков общий итог этих изменений? Не сохраняются ли, или даже усиливаются, опасные диспропорции, белые пятна и неоднородности в экономическом пространстве страны? Всегда ли задуманные преобразования идут широким фронтом, или они реально затрагивают лишь малую часть субъектов экономики? Кто основные драйверы экономического развития, и каков спектр их интересов, мотиваций и реальных действий?

Процесс укрепления государственности и ее экономического базиса в России очевиден, неоднороден и самобытен. Система, построенная к настоящему времени, не менее оригинальна, чем китайская модель, или более ранние модели «азиатских тигров», или модели арабских султанатов, выросшие на нефти, но обустроившие у себя определенный уровень гармонии и процветания. Во многом российская модель базируется на исторических корнях авторитаризма

власти, что, впрочем, не противоречит очевидным постулатам теории самоорганизующихся систем, определяющим высшим приоритетом их развития расширенное воспроизводство «себя любимых». Там, где дистанция между властью и обществом, властью и страной значима и достигает пороговых значений, расширенное воспроизводство целого (страны) подменяется расширенным воспроизводством его части (власти и обеспечивающего ее экономического базиса). Проявления именно такого положения дел заметны в современной экономической системе России. К настоящему времени власть обустроила себя: выстроила приоритеты развития, наработала механизмы мобилизации ресурсов их достижения, упрочила фундамент (в других терминах креативный кластер – крупный частный бизнес, государственные корпорации, регионы – фавориты межуровневых отношений). И самое главное, на наш взгляд, определилась концептуально, взяв курс на создание сильного государства, родовым атрибутом которого является сильная центральная власть.

Для России (впрочем, как и для многих других стран) – сочетание укрепления государственности и заботы о своих гражданах, внешне имеющее вид двуединой и крепко сбитой формулы целеполагания, в реалиях не столь уже и монолитно соединяет эти начала. Многие из того, что государство делает для себя, можно (и оно это искусно делает) выдавать за первоочередные заботы о своих гражданах. Забота о слабых – это тоже прежде всего забота государства о себе. На деле она осуществляется в скромных масштабах, не решает проблемы по существу, но и не создает особой нагрузки на ресурсы государства прямым участием в их судьбе. Скорее всего, это своеобразный макияж на лице власти, призванный сделать его более привлекательным. Не создавая основы к реальному росту потенциала и укреплению возможностей саморазвития аутсайдеров, такие действия центральной власти постоянно воспроизводятся в ежегодно повторяемых дотациях бюджетам слабых регионов, или в виде очередных косметических примочек малому бизнесу.

Регион является естественной, логичной и эффективной частью устройства политической и экономической жизни государства и демо-социальной организации общества. Безусловно, расширенное воспроизводство сущностных характеристик социально-экономических, демографических и политических процессов в

регионе является залогом устойчивого развития страны в целом. Более того, именно в регионах осуществляется реальное переплетение государственных, общественных и экономических отношений в стране. Но в современных условиях регион уже не может рассматриваться всего лишь как форма (котел, в котором замешивается это варево). Прописанные в Конституции и регламентированные государственными законами права еще не обеспечивают реальной субъектности регионов, особенно в сфере экономических отношений. Знаменитая попытка Н.С. Хрущева создания совнархозов как инструмента управления экономикой на местном уровне, как реального уравнивающего противопоставления отраслевому доминированию, была быстро заблокирована монопольными амбициями гигантов отечественной индустрии. Это доминирование не только сохранилось в постсоветской России, но и даже преумножилось в уродливых формах в первые перестроечные годы. Достаточно вспомнить толлинговые схемы, по которым организовывалась работа многих сибирских алюминиевых заводов. И сегодня Омский нефтеперерабатывающий завод (и подобные ему) с внешними для области оборотами, пополняя федеральную и региональную казну, порождает не только миллиардеров из числа единичных собственников, но и массу проблем с развитием инфраструктуры и социальной сферы в регионе. Проблемы связаны не столько с прямыми потребностями завода в общерегиональных ресурсах, сколько с несправедливым присвоением добавленной стоимости. Теоретический анализ показывает, что ее создают все, а используют лишь немногие (неправедным распределением).

Правильной калькуляцией для НПЗ его расходов при использовании региональных ресурсов могла бы стать прокатная оценка всех затрат в гипотетическом случае его размещения в чистом поле. Думается, что эта величина была бы намного больше той, которую реально несет НПЗ, находясь в освоенном регионе. И, следовательно, разница таких оценок, являясь экономией для него, составляет для региона величину упущенного эффекта от функционирования в нем этого завода. Когда государство строило моногорода в Тюменской области с главной задачей обеспечения нефтепромыслов рабочей силой и всей необходимой социальной и инженерной инфраструктурой, никаких противоречий не возникало.

Все шло из единого государственного кармана и все в него возвращалось, так что упущенные эффекты государства сальдировались с нулевыми итогами с реальными выгодами для него самого. Близким принципом в те годы являлся механизм инвестирования государством проектов создания крупных заводов в регионах, в котором до 30% общих инвестиций планировалось вкладывать в социальную и инженерную инфраструктуру. В этом случае принцип «одного кармана» также не порождал видимых противоречий. И только созданная позднее система разнесла карманы получения эффектов и понесения затрат, создав дополнительные преимущества одним (крупному бизнесу) и дополнительные проблемы другим (регионам).

Такая ситуация постоянно воспроизводится в России в массовых масштабах, закреплена законодательно и обеспечивает хроническую дотационность большинства регионов и сверхдоходность крупного бизнеса. Тем не менее, некоторые основания к осторожному оптимизму можно увидеть в исторических параллелях. В России в отношениях между государством, обществом и регионами всегда был примат государства и верховной власти. Только в последний период можно наблюдать ростки формирования гражданского общества, усиления его роли в общественно – политической и социально – культурологической жизни страны, и даже в экономике. Во всех формациях, через которые прошла Россия, устойчиво сохранялись патриархально – исторические традиции (заложенные еще Калитой) отношения к регионам как месту реализации общегосударственных приоритетов (возможно даже с определенным учетом местного колорита). Но до признания равноправных отношений в системе «федеральный центр – регионы», «регионы – бизнес», видимо, время еще не настало, хотя похоже, что «лед тронулся». Уже идут процессы разделения компетенций, хотя субъектности во властных полномочиях у регионов не хватает, т.е. кроме ответственности, еще и суверенных прав на отстаивание своих экономических интересов. В частности, уместно поставить вопрос, а хватает ли полномочий у региональных властей добиваться близкой результативности функционирования субъектов регионального рынка. А если их недостаточно, то могут ли регионы получить их в принципе.

Более того, правомерна и более принципиальная постановка вопроса. Почему индустриальный капитал через амортизационную

составляющую в цене на свою продукцию всегда имеет возможности для своего воспроизводства, а регион, с его главной заботой о воспроизводстве человеческого капитала, такой гарантированной возможности не имеет. Механизмы мобилизации всевозможных источников его доходов (налоговые и неналоговые поступления, проекции федеральных программ, активность бизнеса и пр.) лишены главного – осмысленного понимания, а, сколько нужно, и надежного механизма формирования амортизационного фонда для нужд воспроизводства человеческого капитала.

Сибирь – часть планетарного и общероссийского экономического пространства. Ее будущее определяется тем, в какой мере она впишется в контекст доминантных процессов мирового развития. По ряду причин до сих пор это получалось плохо. Успехи на этом пути будут зависеть от того, удастся ли преодолеть груз и инерцию предшествующих периодов, правильно ли будут расставлены приоритеты развития, будут ли найдены формы согласования интересов, координации усилий и концентрации ресурсов государства, бизнеса, регионов и населения. Пока же взаимодействие этих сил напоминает ситуацию, описанную в известной басне Крылова.

Метастазы «голландской болезни» поразили российскую экономику настолько глубоко, что не только закрепили надолго (если не навсегда) ее архаичную структуру с доминантным развитием сырьевого сектора, но и с пугающей скоростью ведут к прямым потерям добавленной стоимости (а, следовательно, и ресурсов экономического роста), вследствие проводимой государственной структурной и инвестиционной политики. Последние правительственные инициативы ускоренного освоения ресурсов арктического шельфа, Восточной Сибири, Дальнего Востока с созданием особых инструментов стимулирования и мотиваций потенциальных инвесторов лишь усиливают рецидивы этой болезни. Они предпринимаются на фоне вялой государственной политики по отношению развития остальной части экономики (которую вряд взбодрят точечные инъекции даже типа сколковского проекта).

Природный потенциал и его эффективное использование лишь одно из условий успешного и комплексного развития восточных районов страны. Требования времени, внешнеэкономической и геополитической конъюнктуры с необходимостью выдвигают на

первый план задачи глубоких структурных изменений, дающих возможность проводить политику импортозамещения, развивать собственные обрабатывающие производства с увеличением добавленной стоимости в цене продукта, но, похоже, касаются эти планы преимущественно европейской части страны. Вместе с тем, как показали наши оценки, экономика Сибири и Урала давно готова к выходу на новый уровень эффективности, если ей поможет государство, предприняв серьезные институциональные изменения, обеспечивающие несырьевым регионам преференции на начальных этапах, подобные тем, что имеют ресурсные территории.

Государственная региональная политика в РФ нуждается в серьезном обновлении. Нет никаких оснований считать, что Сибирь входит в разряд регионов первоочередных государственных интересов. Следовательно, высока вероятность того, что развитие макрорегиона будет проходить близко к генетическому сценарию с выбросами по отношению к отдельным регионам, в которых векторы государственных, корпоративных и региональных интересов могут время от времени сближаться. Основопологающими в таком сценарии являются мотивации и условия саморазвития, проявления которого не сводятся к простому обладанию регионом необходимыми ресурсами. В данном случае термин «саморазвитие» означает потенциальную готовность региона (подтверждаемую, в том числе и динамикой развития в предшествующие периоды) к переходу к другому фенотипу развития, как правило, более высокого уровня, обеспечиваемого всем комплексом институциональных, ресурсных и структурных условий, которыми уже обладает большинство регионов, входящих в данный фенотип. Обустроить поступательное движение регионов по кривой генотипа развития (от фенотипа к фенотипу) – вот новая постановка государственной региональной политики. А конструктивными проявлениями такой политики могла бы стать система целезадающих ориентиров развития регионов, адресно настроенных на их возможности, во-первых; реалистичных, так как они были достигнуты регионами более развитого фенотипа развития, во-вторых; и обеспечивающих поступательную динамику роста соответствующих индикаторов, в-третьих.

Регионы – «лакмусовая бумажка» серьезности намерений глубокой модернизации экономики. Фундаментом развитых экономик являются самодостаточные первичные элементы страны –

муниципальные образования и их объединения. С большими основаниями можно ожидать, что с сохранением относительно их существующего порядка, переход к устойчивому экономическому развитию по типу развитых стран вряд ли осуществим. Следовательно, главные проблемы связаны не с проблемами взаимоотношений регионов с федеральным центром (экслюзивно, выборочно, какие-то частные вопросы могут быть решены и решаются), а с общей системой институциональных условий, не мотивирующих регионы к устойчивому типу развития. К сожалению, сложившаяся модель государственного устройства не эволюционирует в этом направлении. Коренная модернизация должна коснуться и глубинных основ федеративных отношений. До тех пор, пока в собственные доходы муниципальных образований будет попадать в лучшем случае лишь четверть собираемых в них налогов, говорить об устойчивой финансовой базе и росте мотиваций местных сообществ к экономической активности не приходится. Внимание федеральных властей к формированию среднего класса, стимулированию малого бизнеса и т.п., носит в большей мере формальный характер экстерриториальных рекомендаций, а не в виде одного из элементов системных трансформаций местных экономик и образований, направленных на формирование внутреннего рынка, обеспечение потребительского спроса, рост жизненного уровня населения. Даже, исходя из того, что на федеральном уровне предлагаемые конкретные направления экономических и социальных преобразований выстраиваются на основе цельной, системной, непротиворечивой общей концепции, приходится констатировать, что, доходя по целевым программам до конкретных мест, о такой системности приходится просто забыть. Самодовлеющий процесс реализации таких программ не обеспечивает в конкретных местах гармоничной и комплексной картины общих улучшений жизни местных сообществ. А хотелось бы.

УДК 330.322

Д.А. ГАЙНАНОВ, д.э.н., проф., А.Г. АТАЕВА, к.э.н.,
А.Г. УЛЯЕВА, к.э.н.

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН,
г. Уфа

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE TERRITORIAL DEVELOPMENT OF THE BASHKORTOSTAN REPUBLIC

Аннотация. В работе рассмотрены вопросы территориального развития Республики Башкортостан. Обоснованы и на конкретных примерах Башкортостана проиллюстрированы проблемы пространственного развития региона: сложно структурированный территориальный состав региона, усиление процессов агломерирования, отток населения из периферии республики и другие аспекты.

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания ИСЭИ УФИЦ РАН на 2018 г.

Abstract. The article explores the issues of territorial development of the Bashkortostan Republic. The problems of spatial development of the region are illustrated: the structurally complex territorial composition of the region, the agglomeration process, the outflow of population from the periphery of the republic and other aspects basing on concrete examples of region.

This research was carried out within the framework of the state task of the Institute of Social and Economic Research of Ufa Federal research center of RAS for 2018.

Ключевые слова: регион, территориальное развитие, муниципальное образование, агломерации, экономическое пространство.

Keywords: region, territorial development, municipality, agglomeration, economic space.

Сбалансированное пространственное развитие является одной из приоритетных стратегических задач развития Республики Башкортостан (РБ) в долгосрочной перспективе. Однако на сегодня

можно говорить о наличии определенных проблемных аспектов пространственного развития: 1) сложно структурированный территориальный состав региона; разрывы в финансовой несостоятельности муниципальных образований (МО); 2) объективное формирование четырех агломераций в Республике Башкортостан и необходимость сглаживания их негативных последствий; 3) изменение значимости МО с точки зрения вклада в развитие экономики республики; 4) наличие проблем развития периферии региона в условиях значительного оттока ресурсов и развития цифровой экономики. Рассмотрим их подробнее.

Особенностью Республики Башкортостан в сравнении с другими субъектами Российской Федерации (РФ) является большая дробность сетки муниципального деления. По общему количеству муниципальных образований, в том числе муниципальных районов и сельских поселений, регион занимает второе место в России, уступая лишь Республике Татарстан (таблица 1). Однако по числу городских округов и городских поселений республика находится на 20-м и 46-м местах соответственно.

Таблица 1

Рейтинг субъектов Российской Федерации по численности МО различного вида на 01 января 2018 г., ед. [2]

№	Субъект РФ	всего МО	№	Субъект РФ	МР	№	Субъект РФ	ГО
1	Респ. Татарстан	956	1	Алтайский край	59	1	Свердловская обл.	68
2	<i>Респ. Башкортостан</i>	<i>895</i>	2	<i>Респ. Башкортостан</i>	<i>54</i>	2	Московская обл.	51
3	Респ. Дагестан	760	3	Красноярский край	44	3	Тюменская обл.	24
4	Алтайский край	719	4	Ростовская обл.	43	4	Калининградская обл.	19
5	Красноярский край	575	5	Респ. Татарстан	43	5	Сахалинская обл.	18
6	Новосибирская обл.	490	6	Респ. Дагестан	40	6	Ставропольский край	17
7	Оренбургская обл.	489	7	Пермский край	40	7	Красноярский край	17
8	Воронежская обл.	479	8	Кировская обл.	39	8	Кемеровская обл.	16
9	Тюменская обл.	478	9	Нижегородская обл.	38	9	Челябинская обл.	15
10	Волгоградская обл.	475	10	Саратовская обл.	38	10	Нижегородская обл.	14
№	Субъект РФ	всего П	№	Субъект РФ	ГП	№	Субъект РФ	СП
1	Респ. Татарстан	911	1	Московская обл.	66	1	Респ. Татарстан	872
2	<i>Респ. Башкортостан</i>	<i>832</i>	2	Ленинградская обл.	65	2	<i>Респ. Башкортостан</i>	<i>818</i>
3	Респ. Дагестан	707	3	Иркутская обл.	63	3	Респ. Дагестан	700
4	Алтайский край	650	4	Нижегородская обл.	53	4	Алтайский край	643
5	Красноярский край	514	5	Кировская обл.	52	5	Красноярский край	487
6	Новосибирская обл.	455	6	Респ. Саха (Якутия)	47	6	Оренбургская обл.	447
7	Оренбургская обл.	447	7	Забайкальский край	45	7	Новосибирская обл.	429
8	Воронежская обл.	445	8	Тверская обл.	42	8	Курганская обл.	419
9	Волгоградская обл.	437	9	Респ. Татарстан	39	9	Воронежская обл.	417
10	Курганская обл.	432	10	Саратовская обл.	39	10	Волгоградская обл.	408

Условные обозначения: МО – муниципальные образования, МР – муниципальные районы, ГО – городские округа, П – поселения, ГП – городские поселения, СП – сельские поселения.

Сама по себе такая ситуация не является проблемной, но вследствие происходящих процессов оттока населения из сельской местности (рисунок 1), высокой дотационности местных бюджетов и массовой передачи полномочий на уровень районов, возникает вопрос о целесообразности действующей сетки деления.

Рис. 1. Распределение сельских поселений Республики Башкортостан по миграционному приросту в 2012–2017 гг. [2]

Отметим, что в Республике Башкортостан наряду с оттоком населения из сельской местности (в 2012–2017 гг. в 707 из 818 сельских поселений численность населения снизилась), наблюдается также малолюдность сельских поселений: в 45 сельских поселениях проживает менее 500 человек, в 307 – менее 1 000 человек [1].

В республике действующая сетка муниципального деления не менялась еще с начала муниципальной реформы в отличие от большинства других регионов России, в которых последние годы наблюдаются тенденции укрупнения МО путем объединения сельских поселений между собой или/и присоединения их к городским округам. Например, в Ставропольском крае число сельских поселений сократилось за период 2012–2017 гг. на 115 ед. (в 1,6 раза), в Оренбургской области – на 112 ед. (в 1,25 раза), в Московской области – на 99 ед. (в 2,05 раза), в Вологодской области – на 93 ед. (в 1,58 раза), в Смоленской области – на 92 ед. (в 1,44 раза).

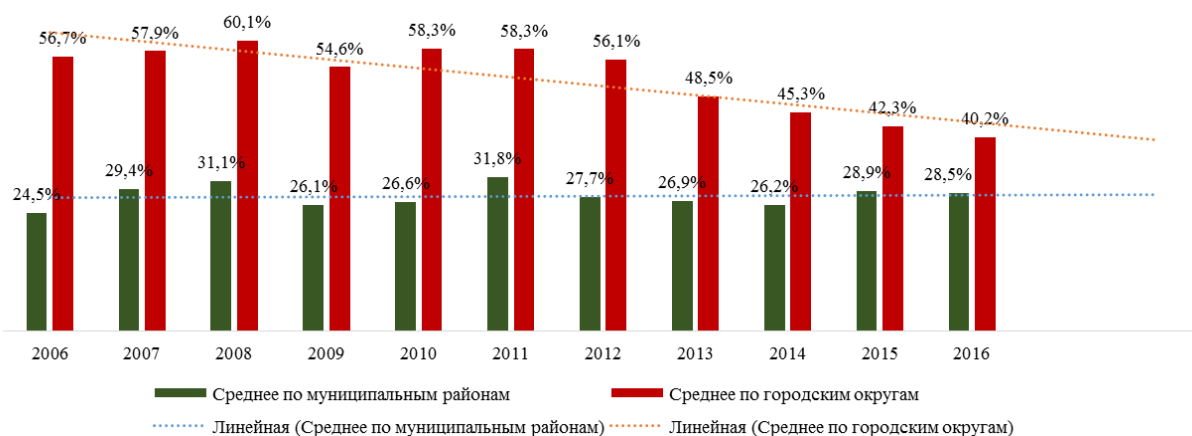
В отдельных субъектах Федерации на сегодняшний день в принципе отсутствуют такие виды МО как сельское и городское поселения (Магаданская и Сахалинская область).

Проблема содержания мелких муниципалитетов обостряется в условиях фактической финансовой несостоятельности муниципальных образований. Эта проблема характерна для всей Российской Федерации: после реформы системы местного

самоуправления доля налоговых и неналоговых доходов снизилась почти вдвое.

Изменение структуры налоговых доходов местных бюджетов РФ до и после реформы МСУ выглядит следующим образом: если в 1998 году доля налоговых и неналоговых доходов в общих доходах местных бюджетов составляла 68%, то в 2008 году она снизилась до 41,6%, а по состоянию на начало 2016 года доля составила уже 36,6%.

Аналогично в Республике Башкортостан: доля собственных доходов местных бюджетов в ВРП с 1998 г. по 2016 г. снизилась в 3,5 раза. Примечателен еще тот факт, что снижается финансовая самостоятельность городских округов республики, которые традиционно всегда были финансово благополучнее муниципальных районов (рис. 2).

Рис. 2. Доля налоговых и неналоговых доходов в общих доходах городских округов и муниципальных районов РБ в 2006–2016 гг. [2]

Вопросы финансовой самостоятельности местных бюджетов усугубляются увеличением числа вопросов местного значения, передаваемых на уровень поселений, муниципальных районов и городских округов. Если сравнивать первую редакцию Федерального закона №131-ФЗ с последней редакцией от 29.12.2017 г., то общее число вопросов местного значения увеличилось с 70 до 129 ед.: у поселений выросло с 23 ед. до 41 ед., у муниципальных районов – с 20 ед. до 42 ед., у городских округов – с 27 ед. до 46 ед. При общем снижении собственных доходов МО, органам МСУ необходимо решать большее число вопросов местного значения, обеспечивая населению необходимый уровень благ. Все это приводит к усилению

зависимости МО от помощи из регионального бюджета и снижение возможностей финансового саморазвития.

Еще одним существенным фактором, влияющим на территориальное развитие, является усиление процессов агломерирования (активизация процессов урбанизации и субурбанизации). Анализ внутренних миграционных перетоков населения в Республике Башкортостан за последние 5 лет отражает явную тенденция формирования четырех агломераций (рис. 3). Причем среди регионов Урала и Поволжья ситуацию в нашем регионе можно считать уникальной, когда помимо наличия центра притяжения вокруг столицы, имеются еще три точки концентрации населения в 150-200 км от столицы, что в определенной степени обеспечивает баланс территориального развития.

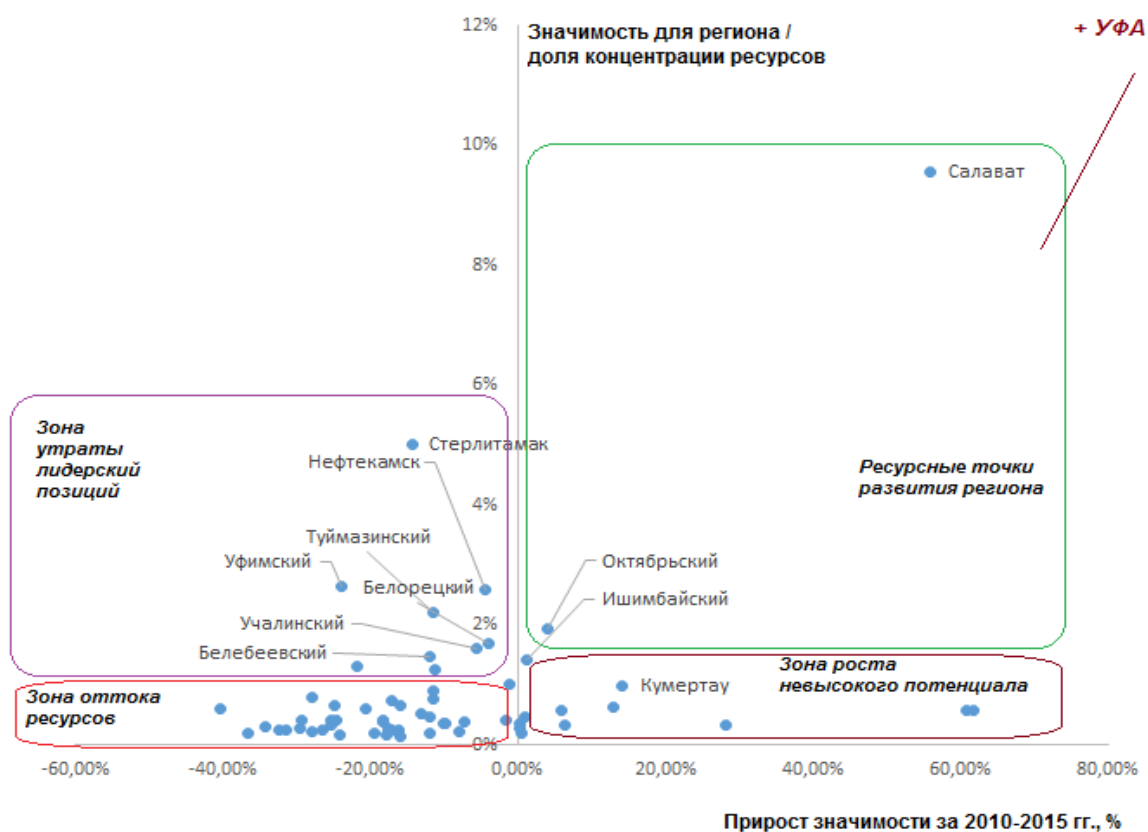
Рис. 3. Зависимость коэффициента миграционной привлекательности муниципальных образований РБ за 2010–2015 гг. от расстояния до г. Уфы [2]

Однако не все МО готовы к агломерационным процессам. Сопоставление тенденций прироста населения и бюджетной обеспеченности показало, что всего два городских округа – Стерлитамак и Октябрьский готовы к агломерациям. Под готовностью мы понимаем ситуацию, когда, несмотря на рост населения, МО обеспечивает рост среднедушевых доходов населения.

В зоне опасной территориальной перегрузки находятся районы, максимально приближенные к двум крупнейшим городским округам: Уфе и Стерлитамаку. Так за последние 10 лет население Уфимского района увеличилось в 1,5 раза, Иглинского в 1,3 раза, Стерлитамакского – в 1,2 раза, а реальные доходы их бюджетов не увеличились. Это говорит о том, что качественно исполнять

полномочия органы местного населения для вновь прибывшего населения не в состоянии. Город Уфа находится в зоне потенциальной опасности и в ближайшей перспективе для нее эта проблема также станет актуальной.

Изменилась также и макроэкономическая значимость территорий. Полученный нами интегральный показатель значимости (вклад в экономические, социальные и финансовые показатели республики) и его прирост за пятилетний период говорит о том, что наиболее динамично развиваются города Уфа, Салават и Октябрьский, они же и являются перспективными точками роста для республики. Города Стерлитамак, Нефтекамск и ряд других муниципальных районов утрачивают лидерские позиции. Большинство других МО находятся в зоне стагнации (рис. 4).

Рис. 4. Изменение макроэкономической значимости МО в показателях республики за 2010–2015 гг. [2]

В целом выявленные тенденции стягивания экономического пространства вокруг столицы и крупнейших городов могут привести к тому, что оголенная периферия начинает тяготеть к соседним субъектам федерации, тем более что географическое положение республики между крупнейшими городами благоприятствует этому.

Географические факторы также определяют прогноз развития архитектуры экономического пространства республики, исходя из развития транспортных коридоров: по федеральной оси – две агломерации (Уфимская и Южно-Башкортостанская), по региональной оси – также две агломерации (Нефтекамская и Октябрьск-Туймазинская). Также необходимо учесть влияние формируемой оси стратегического партнерства «Москва–Пекин», проходящей по границе республики.

Таким образом, все вышеназванные проблемы являются угрозами для сбалансированного пространственного развития Республики Башкортостан, поскольку приводят к стягиванию экономического пространства республики вокруг крупных городов (не только г. Уфы) и усилению межмуниципальной дифференциации, тяготению периферии республики к соседним регионам, что может привести к потере трудоспособного населения, а также к появлению в регионе «оголенных» территорий.

Каковы же перспективы пространственного развития региона? Здесь возможны следующие направления: можно выбрать политику выравнивающего развития, сглаживая межмуниципальные диспропорции, а можно наоборот, сконцентрировать ресурсы в крупных точках роста, для последующей помощи остальным МО [3].

Мы предлагаем третий подход – так называемую политику коэволюционного развития, когда усилия направляются на группу муниципальных районов, в которых есть точки, «вытягивающие» вместе с собой соседние территории. Эту идею предлагается реализовать в Концепции пространственного развития Республики Башкортостан и в идее понимания опорного каркаса развития региона.

Коэволюционное развитие основывается на программно-проектной методологии, в рамках которой территория республики делится на субрегиональные локализации, к которым можно отнести как агломерации, так и традиционные субрегионы, а также субрегионы экономической специализации – кластеры. При таком подходе агломерации будут формировать естественный опорный каркас расселения, периферия будет находиться под вниманием региона в рамках субрегиональных программ, а кластеры обеспечивать межмуниципальное экономическое развитие.

Таким образом, можно выделить следующие основные направления пространственного развития республики: агломерации, субрегионы, кластеры и межмуниципальное сотрудничество, реализация которых обеспечить сбалансированное территориальное развитие региона.

Список использованной литературы:

1. Гайнанов Д.А. Трансформация расселения на Урале и в Поволжье после реформы местного самоуправления / Д.А. Гайнанов, А.Г. Шеломенцев, А.Г. Атаева // Социологические исследования. – 2017. – № 10 (402). – С. 64-76.

2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации – URL: <http://www.gks.ru>.

3. Шеломенцев А.Г. Интеграция стратегического и бюджетного планирования на базе организационно-финансового механизма бюджетного программирования муниципальных образований / А.Г. Шеломенцев, С.В. Сятчихин // Вопросы управления. – 2017. – № 2 (26). – С. 81-88.

УДК 314.7

Д.А. ГАЙНАНОВ, д.э.н., проф., А.Ю. КЛИМЕНТЬЕВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН,
г. Уфа

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАДРОВЫХ РЕСУРСОВ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОДСИСТЕМЕ

TRANSFORMATION OF HUMAN RESOURCES IN THE REGIONAL INNOVATION SUBSYSTEM

Аннотация. В данной статье предложена концепция развития региональной инновационной подсистемы (РИП), основанная на системе ресурсного обеспечения РИП как совокупность уникальных ресурсов, позволяющих достичь результата в приоритетах инновационного развития региона. Концепция отличается определением условий развития РИП через трансформацию кадровых ресурсов (способностей, компетенций и технологий) в научные кадры ресурсы для перехода РИП к новому качественному состоянию. Выделены ключевые элементы обеспечивающих подсистем (образование, наука и бизнес) и механизм их интеграции.

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания ИСЭИ УФИЦ РАН на 2018 г.

Abstract. In this article, the concept of the development of a regional innovation subsystem is proposed, based on the resource management system as a set of unique resources that allow achieving results in the priorities of the region's innovative development. The concept is distinguished by the definition of the conditions for the development of the through the transformation of human resources (abilities, competencies and technologies) into scientific human resources for the transition of to a new qualitative state. The key elements of the providing subsystems (education, science and business) and the mechanism of their integration are singled out.

This research was carried out within the framework of the state task of the Institute of Social and Economic Research of Ufa Federal research center of RAS for 2018.

Ключевые слова: региональная инновационная подсистема, кадровые ресурсы, научные кадры, научно-производственная среда.

Keywords: regional innovation system, human resources, scientific personnel, research and production environment.

Одним из ключевых факторов, влияющих на инновационный рост России, является обеспеченность ресурсами региональных инновационных подсистем, которые способствуют опережающему развитию науки и реализацию ее результатов в экономику регионов. На сегодняшний день наблюдается значительное отставание России от развитых стран по ключевым показателям производства и реализации инновационной продукции. Отсутствие организованного трансфера научных исследований, абсорбции и диффузии новых технологий, отсутствие необходимых обеспечивающих ресурсов свидетельствуют о существовании серьезных угроз в развитии региональной инновационной подсистемы [1]. Данные тенденции подтверждаются низким удельным весом инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг России в сравнении с другими странами.

В соответствии с Указом Президента России «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07 мая 2018 г. к развитию региональных инновационных подсистем относятся два приоритетных направления: наука и цифровая экономика. Так ключевыми задачами по данным направлениям являются [2]:

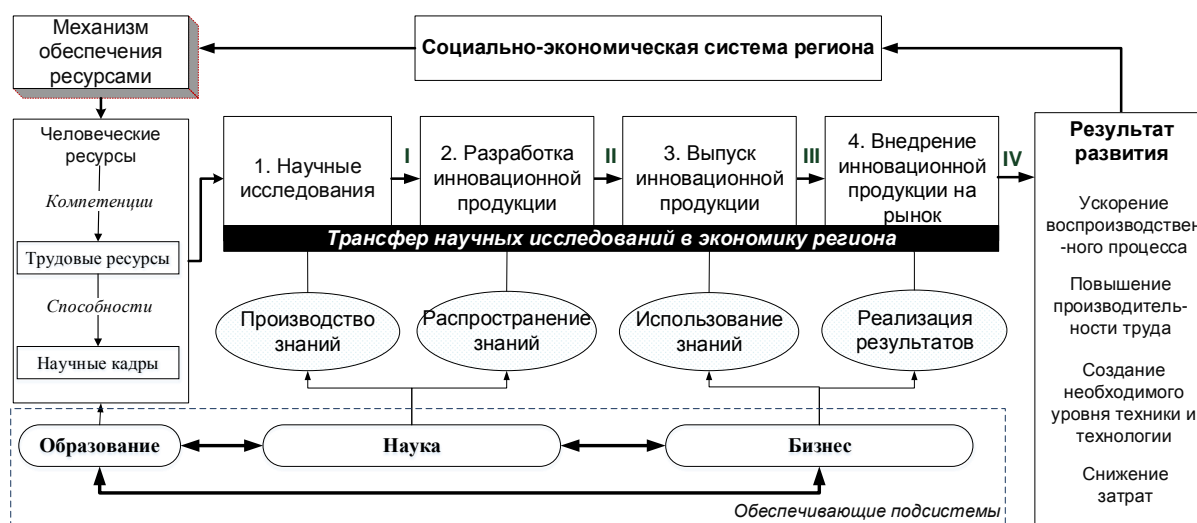
– в сфере науки: создание не менее 15 научно-образовательных центров мирового уровня *на основе интеграции университетов и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики*; формирование *целостной системы подготовки и профессионального роста научных и научно-педагогических кадров*, обеспечивающей условия для осуществления молодыми учёными научных исследований и разработок, создания научных лабораторий и конкурентоспособных коллективов;

– в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: *обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики*.

Региональная инновационная подсистема в данном исследовании рассматривается в цепи «образование–наука–бизнес» [3], при этом ее структура обуславливается трансфером научных исследований в экономику региона. Региональная инновационная

подсистема – это комплекс взаимосвязанных элементов (инновационно-активных экономических агентов, субъектов инновационной инфраструктуры, федеральных и региональных органов государственной власти, институционального обеспечения), а также условий и факторов, инициирующих и осуществляющих производство новых знаний, их распространение и использование, способствующих финансово-экономическому, правовому и информационному обеспечению процессов, которые в свою очередь должны обеспечивать развитие экономики региона и ее подсистем.

Концептуальная модель развития региональной инновационной подсистемы представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Концептуальная модель развития региональной инновационной подсистемы

Основой развития региональной инновационной подсистемы является обеспечение процесса трансфера научных исследований в экономику региона, который представляет собой переход знаний, опыта, промышленных особенностей в разработку, выпуск и внедрение инновационных товаров, работ и услуг [4]. Непрерывность процесса трансфера должна быть обеспечена ресурсами соответствующих подсистем. Особое значение в развитии региональной инновационной подсистемы имеет первый этап процесса трансфера исследования, где научные исследования переходят в разработку инновационного продукта.

На данном этапе ключевую роль играет соответствие компетенций и способностей научных кадров в разработке результатов потребностям бизнеса. Значимость научных кадров

определяется его вкладом в различные показатели результативности инновационной экономики, например, оказывать влияние на производство инновационных товаров работ и услуг. Данное несоответствие приводит к возникновению структурно-компетентностного дисбаланса, который проявляется в несоответствии подготавливаемых специалистов потребностям экономики региона в фундаментальных и прикладных исследованиях.

Решение проблем обеспечения процесса трансфера научных исследований в региональной инновационной подсистеме невозможно без эффективно взаимодействующих элементов подсистем образования, науки и бизнеса.

В таблице 1 представлена классификация элементов РИП с точки зрения их места на каждом этапе трансфера научных исследований в экономику региона, а также по возможности воспроизводства ресурсной базы (табл. 1).

Таблица 1

Элементы региональной инновационной подсистемы

Обеспечивающие подсистемы	Элементы	
1	2	
Образование	1. Система ресурсного обеспечения	
	Подготовки кадровых ресурсов	общее образование: – дошкольное образование; – начальное общее образование; – основное общее образование; – среднее (полное) общее образование; профессиональное образование: – среднее профессиональное образование; – высшее образование – бакалавриат; – высшее образование – специалитет, магистратура; – высшее образование – подготовка кадров высшей квалификации.
Наука	2. Развитие фундаментальных и прикладных исследований	
	Производства знаний	– индивид; – государственные научные центры; – частные научно-исследовательские центры; – научно-исследовательские институты; – высшие учебные заведения; – инновационно-активные предприятия; – промышленные предприятия.
	3. Разработка инновационной продукции	
Распространения знаний	– государственные научные центры; – частные научно-исследовательские центры; – научно-исследовательские институты; – высшие учебные заведения.	
4. Выпуск инновационной продукции		

1	2	
Бизнес	Использований знаний	<ul style="list-style-type: none"> – технопарки; – бизнес-инкубаторы; – инновационно-технологические центры; – центры кластерного развития; – основные производства; инновационные центры; – промышленные предприятия; – крупный, средний и малый бизнес.
	5. Внедрение продукта на рынок	
	Реализации результатов	<ul style="list-style-type: none"> – промышленные предприятия; – крупный, средний и малый бизнес.

Симбиоз трех ключевых обеспечивающих подсистем гарантирует развитие региональной инновационной подсистемы и предотвращение возникновения системного стратегического разрыва в процессе трансфера исследований.

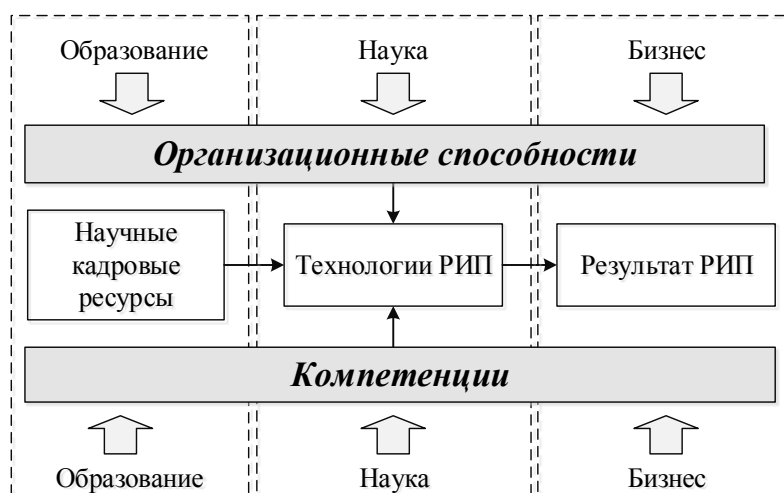
В условиях обеспечения развития региональной инновационной подсистемы, где знания являются основным ресурсом ее развития, на первый план выходят кадровые ресурсы, обеспечивающие процессы, происходящие в региональной инновационной подсистеме. Ключевым ресурсом выступают научные кадровые ресурсы, занимающиеся приращением в области фундаментальной и прикладной науки, что является конкурентным преимуществом любой страны и региона.

Формировать научные кадровые ресурсы с уникальными способностями возможно через систему трансформации трудовых ресурсов региона в научные кадровые ресурсы РИП посредством преобразования технологий на основе компетенций и организационных возможностей (рис. 2).

Технологии представляют собой совокупность методов и инструментов формирования уникальных ресурсов (научных кадров) для достижения развития РИП. *Компетенции* – навыки, сформированные у научных кадровых ресурсов, позволяющие обеспечивать процессы, протекающие в РИП. *Способности* – это свойства научных кадров, являющиеся условиями успешного применения и интеграции вложенных компетенций.

Для обеспечения развития РИП необходим механизм организации взаимодействия образования, науки и бизнеса для формирования уникальных компетенций научных кадровых ресурсов и организационных способностей для достижения результата и

стабильного конкурентного преимущества в приоритетах инновационного развития региона.

Рис. 2. Ключевые элементы формирования научных кадров в региональной инновационной подсистеме

Реализуемая в России программа модернизации образования требует нового уровня взаимоотношений между наукой, бизнесом, образовательными учреждениями и обществом [5, 6]. Сегодня бизнес структуры понимают задачи и существующие проблемы в подготовке кадровых ресурсов. Для развития образования соответствующего потребностям региональной инновационной подсистемы необходимо участие науки и бизнеса в разработке профессиональных стандартов подготовки научных кадров, в мониторинге потребностей рынка труда в развитии инновационного образования.

Региональная инновационная подсистема должна быть основана на синтезе образования, науки и бизнеса, в процессе которого бы происходила трансформация кадровых ресурсов, обеспечивающих процесс трансфера научных исследований в экономику региона. Для организации эффективного взаимодействия образования, науки и бизнеса необходимо создание в регионе *научно-производственной среды*, которая будет обеспечивать непрерывность протекания процесса трансфера научных исследований в экономику региона по приоритетам инновационного развития.

Список использованных источников:

1. Глазьев С.Ю. Интеллектуальная экономика в теории и практике управления / С.Ю. Глазьев, Е.А. Наумов, А.А. Понукалин // В сборнике: Акмеологические векторы профессионализации

личности в обществе вызовов и угроз Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2017. – С. 98-108.

2. Указ Президента Российской Федерации №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07 мая 2018 г.

3. Ленчук Е.Б. Формирование инновационной модели развития в России: работа над ошибками // Вестник ИЭРАН. – №1. 2018. – С. 27-39.

4. Яковлев А.А. Спрос на повышение квалификации работников, «ловушка среднего дохода» и перспективы догоняющего развития в РФ // Журнал НЭА. – №4 (36). – 2017. – С. 166-173.

5. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 23.05.2016).

6. Барашкова О.В. Оценка готовности регионов России к реиндустриализации: обоснование методики и анализ результатов // Экономическое возрождение России. – 2017. – С. 74-81.

УДК 338.001.36

Л.А. ИСМАГИЛОВА, д.т.н., проф.,

Л.Я. БУХАРБАЕВА, д.э.н., проф.

Уфимский государственный авиационный технический университет,
г. Уфа

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ДИНАМИКА ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В МИРОВОМ РЕЙТИНГЕ

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION: DYNAMICS OF POSITIONING IN THE WORLD RATING

Аннотация. Рассматривается проблема оценки уровня инновационного развития в мире, России и Республике Башкортостан. Позиционируется место России на основе анализа информации различных международных рейтингов, отличающихся количеством рассматриваемых стран и методически. Анализируется Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации, и позиционируется место РБ по нескольким важным составляющим – факторам рейтинга. Дается критическая оценка международных и российского рейтингов индексов инновационного развития.

Abstract. The article deals with the evaluation of innovative development level in the world, Russia and the Republic of Bashkortostan. Russia's position is determined on the basis of various international ratings, differing by countries set and methodically. The rating of innovative development of the subjects of the Russian Federation is analyzed, as well as the place of the Republic of Bashkortostan. Critical assessment of international and Russian ratings of innovation development indices is given.

Ключевые слова: инновационное развитие, индексы, рейтинг, позиционирование, показатели, производительность труда.

Keywords: innovative development, indices, rating, positioning, indicators, labor productivity.

Оценка сложных социально-экономических систем (СЭС) на основе множества разнородных и разнонаправленных показателей играет важную роль при решении задач управления. Чем выше

уровень сложности систем и чем больше параметров учитывается, тем сложнее выявить объективные тенденции развития систем и построить сравнительные характеристики сложных экономических субъектов.

Технологии построения рейтингов широко распространены в практике анализа и управления сложными СЭС [1]. Рейтинги разрабатываются на основе методологии, ориентированной на цели анализа и (или) доступные инструменты управления. Основное содержание методологии построения любого рейтинга состоит в выборе и группировки показателей оценки СЭС. При этом ставятся цели: либо как можно больше свойств систем учесть и исследовать систему подробнее, либо отразить некую целевую тенденцию (или возможность достижения цели).

Важная и общепринятая роль рейтингов состоит в том, что удастся позиционировать конкретный экономический субъект в среде ему подобных. Такое позиционирование позволяет обосновать целевые ориентиры территориальных и страновых экономических систем и частично используется при разработке стратегий и программ долгосрочного развития.

Долгосрочные цели современной экономики России – обеспечение высокого уровня благосостояния населения, закрепление геополитической роли страны как одного из глобальных лидеров, определяющих мировую политическую повестку дня.

Инновационная модель предполагает достижение в среднесрочной перспективе до 2020 года существенной доли (в 5-10 процентов) на рынках высокотехнологичных и интеллектуальных услуг по 5-7 позициям. Предусматривает повышение в два раза доли высокотехнологичного сектора в ВВП страны (с 10,9 до 17-20%) за счет увеличения числа инновационно- активных предприятий (с 9,4 до 40-50 процентов) и доли инновационной продукции в выпуске промышленности [2].

Выявление значимости и роли инноваций в достижение поставленных целей – важная и трудноисполнимая управленческая задача, в решении которой рейтингование как метод обоснования стратегических направлений развития СЭС широко распространен и применяется в разных отраслях знаний.

Для оценки уровня инновационного развития страны применяется чаще других The Global Innovation Index – глобальный

индекс инноваций (ГИ), оценивающий деятельность в области инноваций в 141 стране на основе 79 показателей. Глобальный индекс инноваций получил широкое признание в качестве важнейшего источника информации об инновационной деятельности и полезного контрольного инструмента для директивных органов и органов управления государственными структурами [2]. Составители рейтинга оценивают инновационный потенциал стран и их динамику в достижении инновационных целей. Оценка производится на основе данных, полученных из разных источников, включая данные Всемирного банка.

Предложенная в The Global Innovation Index методология направлена на усовершенствование системы оценки результатов инновационной деятельности и определение значимости роли инноваций и приоритетов целей развития страны. Признавая необходимость более широкого подхода к инновациям, применимого как к странам с развитой, так и с формирующейся экономикой, авторы ГИ используют показатели, выходящие за пределы традиционной системы количественной оценки результатов инновационной деятельности, такие как объем научных исследований, в том числе финансируемых за счет государства. Следует согласиться с тем, что глобальный индекс инноваций в большей степени учитывает потенциалы развития и в меньшей степени ориентирован на оценку результата. Учет обобщенных и экономически значимых показателей, таких как производительность труда, предполагает оценку ранее не материализованных благ, в части оценки фактически реализованного потенциала. Фактически снимается проблема погони за параметрами, отвлеченно и опосредованно влияющими на производительность.

Согласно докладу «Глобальный инновационный индекс-2017» [3], ведущими странами – инноваторами, уже много лет меняясь позициями, остаются Швейцария, Соединенное Королевство, Швеция, Нидерланды и Соединенные Штаты Америки, в то время как Китай, Малайзия, Вьетнам, Индия, Иордания, Кения и Уганда входят в группу стран, которые вышли в лидеры среди стран с аналогичными экономическими показателями.

Странам с высоким уровнем дохода принадлежат двадцать четыре из первых двадцати пяти рейтинга мест. Исключение из этого ряда – Китай, занимающий двадцать второе место.

Методология построения индекса GII-2017 [4] базируется на идее группировки показателей, отражающих все стороны инновационной деятельности. Всего индекс включает 81 индикатор, которые сгруппированы по семи основным направлениям (рис 1).

Из совокупности переменных пяти первых направлений складывается *субиндекс «ресурсов инноваций»*. На основе показателей шестого и седьмого направлений формируется *субиндекс «результатов инноваций»*. *Итоговый рейтинг (GII)* рассчитывается как среднее этих двух субиндексов. С математической точки зрения правильнее было бы оценивать такой сложный феномен как инновации с помощью упорядочения по одному скалярному индексу. Гораздо эффективнее выделить весь вектор разных характеристик уровня инноваций, упорядоченных по значимости и сравнивать их покомпонентно. Некоторые страны окажутся несравнимыми, и это вполне соответствует реальности, но тогда можно вводить кластерные группировки. Фактически подобные идеи пропагандировал Л.В. Канторович.

Динамика позиций ведущих стран в GII представлена в табл. 1.

Таблица 1

Динамика ТОП-10 стран-лидеров Глобального инновационного индекса

2012	2013	2014	2015	2016	2017
Швейцария	Швейцария	Швейцария	Швейцария	Швейцария	Швейцария
Швеция	Швеция	Великобритания	Великобрит.	Великобрит.	Швеция
Сингапур	Великобрит.	Швеция	Швеция	Швеция	Великобрит.
Финляндия	Нидерланды	Финляндия	Нидерланды	Нидерланды	США
Великобритания	США	Нидерланды	США	США	Финляндия
Нидерланды	Финляндия	США	Финляндия	Финляндия	Сингапур
Дания	Гонконг (Китай)	Сингапур	Сингапур	Сингапур	Ирландия
Гонконг-Китай	Сингапур	Дания	Ирландия	Ирландия	Дания
Ирландия	Дания	Люксембург	Люксембург	Люксембург	Нидерланды
США	Ирландия	Гонконг-Китай	Дания	Дания	Германия

В новом специальном разделе GII-2017 анализируются «горячие точки инноваций» во всем мире (рис. 1), в которых выше всего плотность изобретателей, фигурирующих в международных патентных заявках.

Глобальный инновационный индекс (среднее)	Ресурсы инноваций	Институты	Политическая конъюнктура Законодательная база Бизнес-среда
		Человеческий капитал и наука	Образование Высшее образование Научные исследования и разработки
		Инфра-структура	ИКТ Основная инфраструктура Экологическая устойчивость
		Развитие внутреннего рынка	Кредиты Инвестиции Торговля и конкуренция
		Развитие бизнеса	Знания сотрудников Инновационные связи Приобретение знаний
	Результаты инноваций	Развитие технологий и экономики знаний	Создание знаний Влияние знаний Распространение знаний
		Развитие креативной деятельности	Нематериальные активы Онлайн- креативность Креативные товары и услуги
	Эффективность инноваций (отношение)		

Рис. 1. Структура Глобального инновационного индекса – 2017

Позиционирование России в рейтинге GI-2017. В рейтинге The Global Innovation Index 2017 инновационно развитых стран, который составляет Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO) ООН, Россия заняла 45-ю строчку из 127. Динамика изменения позиции страны, показана в таблице 1. Как отмечают составители рейтинга, ослабление России связано с ухудшением позиций университетов страны в международных рейтингах, уменьшением числа цитируемых трудов и числа поданных патентных заявок. Квалиметрические показатели результативности деятельности образовательных организаций носят условный характер и не отражают качество и результативность работ в области создания и продвижения инноваций.

В то же время среди конкурентных преимуществ страны остается занятость женщин с высшим образованием. Россия занимает по этому показателю второе место. Традиционно высокое, хотя на две позиции ниже, чем в 2016 году, количество выпускников вузов по научным и инженерным специальностям, что обеспечивает России

13-е место в ГИ-2017. На 15-м – по численности работников, занятых в сфере наукоемких услуг.

Среди 35 ведущих европейских государств наша страна занимает 31-е место. С 2014 по 2017 гг. Российская Федерация улучшает позиции по субиндексу «ресурсов инноваций», однако по субиндексу «результатов инноваций» опустилась на 4 позиции (табл. 2), что свидетельствует о снижении эффективности управления реализацией инновационного потенциала как страны в целом, так и предприятий [5] и интеллектуальной составляющей образовательной среды.

Таблица 2

Динамика позиций Российской Федерации в ГИ-2017: 2015–2017 гг.

	ГИ	Ресурсы инноваций	Результаты инноваций	Эффективность инноваций
2017	45	43	51	75
2016	43	44	47	69
2015	48	52	79	60

Еще один индикатор, характеризующий развитие человеческого капитала, – «Валовый коэффициент охвата высшим образованием» – приносит 17-е место в рейтинге.

Россия также входит в десятку стран по числу патентных заявок на полезные модели, поданных национальными заявителями в патентные ведомства страны (8-е место). Чуть ниже число патентных заявок на изобретения, поданных национальными заявителями в патентные ведомства страны (15-е место). По платежам за использование объектов интеллектуальной собственности Россия на 16-й позиции, а 22-ю позицию Россия демонстрирует по показателю «Индекс Хирша для цитируемых документов».

Если по созданию знаний Россия занимает 22-е место, то по распространению знаний – 43-е, то по влиянию знаний – 111-е место (из 127 экономик). Показатели инвестиционной активности также относят страну в конец рейтинга: инвестиции (95) чистый приток прямых иностранных инвестиций (94), сделки с венчурным капиталом (90). Анализ причин низкой инновационной активности предприятий свидетельствует о недоиспользовании факторов роста в системе управления предприятиями и министерствами [5]. По приросту ВВП на душу населения Россия занимает 110-е место, по индикатору «ВВП на единицу использования энергии» – 108-е.

Позиционирование России в рейтинге WEF конкурентоспособности. В конце сентября 2017 года Всемирный экономический форум (World Economic Forum, WEF) [6] обнародовал новую редакцию рейтинга конкурентоспособности стран. В обновленном списке Россия расположилась на 38-м месте из 137. Россия в нем поднялась на пять позиций против 43-го места в 2016 году, но по развитию технологий наша страна не вошла в топ-50. Наибольшего прогресса среди четырех главных компонентов рейтинга Россия добилась в макроэкономической конъюнктуре, прибавив 38 позиций, и по этому критерию заняла 53-ю строчку.

По направлению «технологический уровень» Россия расположилась на 57-м месте, по «инновационному потенциалу» – на 49-м. Эксперты отметили ускоренную цифровизацию экономики, в частности, рост проникновения интернета и услуг мобильной связи.

Присутствие России в верхней половине рейтингов отмечается также для таких индексов как «Размер рынка» (6-е место), «Инфраструктура» (35-е место), «Эффективность рынка труда» (60-е место), «Здоровье и начальное образование» (54-е место), «Высшее образование и профессиональная подготовка» (32-е место).

Сравнительный анализ позиций страны в двух разных рейтингах, разработанных на отличающихся методологиях, свидетельствует о необходимости выработки надсистемы обоснования управленческих решений по развитию социально экономических систем на разных уровнях их существования.

Хуже всего в России обстоят дела по таким направлениям конкурентоспособности, как «Конкурентоспособность компаний» (71-е место), «Эффективность рынка товаров и услуг» (80-е место), «Общественные институты» (83-е место). Низкие позиции в рейтинге конкурентоспособности отражают снижение эффективности использования инновационного потенциала экономических субъектов и страны в целом. По сравнению с 2012 годом конкурентоспособность России в рейтинге ВЭФ выросла на 29 позиций. Однако, в 2017 году выше позиции РФ оказались Малайзия, Катар, Таиланд, Азербайджан, Индонезия, Мальта, Польша, Индия, Португалия и Италия, а также пятерка лидеров, состоящая из Швейцарии (удерживает первое место на протяжении девять лет), США, Сингапура, Нидерландов и Германии. Рост минимального размера оплаты труда и защита временной занятости,

призванные повысить гибкость рынка труда, смогут оказать масштабный эффект на экономику только при восстановлении потребительской активности, рухнувшей из-за слабого рубля и высокой инфляции, отмечается в докладе.

Позиционирование России в рейтинге Bloomberg Innovation Index. В 2018 году Россия заняла 25-е место в рейтинге 50-ти самых инновационных стран, который регулярно составляет агентство Bloomberg [7]. Страны из списка Bloomberg Innovation Index оцениваются экспертами по семи критериям, имеющим непосредственное отношение к научно-исследовательской деятельности, бизнесу, производству и образованию. Эксперты отмечают, что в 2017 году Россия потеряла 14 мест в рейтинге (было 26-е) из-за санкций и падения цен на нефть. В 2018-м наша страна поднялась на одну позицию в Bloomberg Innovation Index, но осталась позади таких стран, как Исландия, Новая Зеландия, Польша и Канада.

По числу исследователей на один миллион жителей Россия находится на 32-м месте в 2018 году. По мнению авторов исследования, лучше всего в РФ обстоят дела с распространением высшего образования [7]. В оценке посещаемости в вузах и доли дипломированных специалистов Россия расположилась на 5-й строчке, уступив лишь Сингапuru, Ирану, Южной Корее и Китаю. Но в рейтинге ГИ схожие показатели свидетельствуют о нежелательных тенденциях развития сферы образования в РФ.

С точки зрения добавленной стоимости производства товаров Россия расположилась на 23-м месте в рейтинге государств с наиболее инновационной экономикой. Остальные показатели примерно соответствуют занимаемому Россией итоговому месту рейтинга, за исключением производительности труда. По этому показателю страна находится на 44-м месте.

Лидером Bloomberg Innovation Index уже несколько лет кряду является Южная Корея. На втором месте в 2018 году осталась Швеция, а в тройку лучших с шестой позиции поднялся Сингапур. В редакции 2017 г. Россия заняла 26 место, тогда как в 2016 г. была на 12 месте, поднявшись на него с 14, занимаемого в 2015 г., и с 18 – в 2014 г. Как указывалось выше всего в рейтинге 50 стран. Место каждой определено, исходя из ее общего балла, который

представляет собой среднее значение показателя государства в каждой из следующих шести отраслей:

- «Исследования и разработки»,
- «Добавочная стоимость для промышленности»,
- «Продуктивность»,
- «Плотность высоких технологий»,
- «Эффективность высшего уровня»,
- «Концентрация разработчиков» и
- «Патентная активность».

В исследовании принимало участие более 200 стран, однако адекватные данные предоставили лишь 78.

Обрушение индекса России в списке заставило отдельно обратить на себя внимание аналитиков. По их справедливому наблюдению, вторые номера своеобразного антирейтинга – Япония и Хорватия – уступили лишь по три позиции каждая, то есть скорость их падения оказалась в пять раз ниже российской. В аналитическом отчете агентства Bloomberg сделан вывод, об отрицательном влиянии экономических санкций и последствиях двухлетнего падения цен на энергоносители. «Солидные прошлогодние баллы России, касающиеся промышленности и производительности труда, были полностью уничтожены новыми оценками этого года», – сообщается в отчете [7]. Такие оценки полностью политически ангажированы и доказуемость достоверности выводов сомнительна.

Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Начиная с 2012 г. Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) на регулярной основе выпускает рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации [8].

В основе рейтинга лежит оригинальная система количественных и качественных показателей инновационного развития регионов, отвечающая современным статистическим стандартам, применяемым как в российской государственной статистике, так и в практике ведущих зарубежных стран и международных организаций (ОЭСР, Евростата и др.). В состав этой системы также были интегрированы индикаторы, используемые в аналогичных разработках Европейской комиссии (Regional Innovation Scoreboard) [9].

Система индикаторов Российского регионального инновационного индекса (РРИИ) состоит из 37 показателей, сгруппированных в четыре тематических блока обеспечивающих возможность расчета соответствующих субиндексов: «Социально-экономические условия инновационной деятельности» (СЭУ), «Научно-технический потенциал» (НТП), «Инновационная деятельность» (ИД) и «Качество инновационной политики» (КИП). Структура Российского регионального инновационного индекса представлена на рис. 2.

Рис. 2. Структура Российского регионального инновационного индекса

По каждому из указанных субиндексов проводится ранжирование субъектов Российской Федерации. Итоговый индекс – РРИИ – формируется как среднее арифметическое нормализованных значений всех включенных в рейтинг показателей.

В Рейтинге инновационного развития, представляющий собой результат ранжирования регионов в порядке убывания значений РРИИ за 2014 г. Регионы распределены на основе кластерного анализа по четырем группам исходя из величины интегрального показателя.

Анализ полученных результатов позволил выявить ряд особенностей развития страны с позиций развития ее территориальных образований. Регионы России характеризуются неравномерностью развития различных аспектов инновационных процессов и влияющих на них факторов, демонстрируя в этом отношении существенное разнообразие. По-прежнему не подтверждается гипотеза о наличии связи между сбалансированностью различных аспектов инновационного развития регионов и их рейтинговым успехом. Так, во вторую группу регионов по РРИИ с рангом 15 входит Республика Башкортостан, показывая различные позиции по основным индикаторам инновационного развития. Так по индикатору ИД республика занимает 17 место, по индикатору СЭУ-15 позиция, по индикатору НТП-11 место, и по качеству инновационной политике лишь 34 место. Территориальное распределение регионов с разным уровнем инновационного развития может быть охарактеризовано как устойчиво неравномерное.

Социально-экономические условия инновационной деятельности регионов. Рейтинг субъектов Российской Федерации по ИСЭУ представляет собой агрегированную оценку экономического, образовательного и информационного уровней их развития, демонстрирующую потенциал к созданию, адаптации, освоению и реализации инноваций. Он рассчитан по дифференцированным в региональном разрезе обобщающим общеэкономическим показателям, а также по показателям наличия человеческих ресурсов, необходимых для поддержки и активизации инновационных процессов и формирования информационного общества.

Результаты рейтингования субъектов Российской Федерации по индексу СЭУ в 2014 г. выявляют почти пятикратный диапазон вариации оценок (от 0,7615 в Москве, возглавляющей рейтинговую таблицу, до 0,1564 в Чеченской Республике, замыкающей ее). Наблюдается также существенное смещение в сторону регионов со значением индекса ниже среднероссийского (лишь в 14 случаях он превышает средний показатель). В рейтинге регионов по ИСЭУ в 2014 г. субъекты Российской Федерации объединены в четыре группы со сходными обобщающими характеристиками социально-экономических условий инновационной деятельности.

Первую группу, занимающую верхние строчки рейтинга, в 2014 г. вполне предсказуемо и с большим отрывом от других регионов, как и год назад, составляют города федерального значения – Москва и Санкт-Петербург, что подтверждает статус этих регионов как ведущих экономических и образовательных центров. Во *вторую группу* вошли 12 субъектов Российской Федерации (14,5% от числа участвующих в рейтинге). В регионах этой группы значения ИСЭУ превосходят среднее по стране. *Третья группа*, которую возглавляет Республика Башкортостан, по величине индекса СЭУ – самая многочисленная, она объединяет половину регионов, а именно 44 субъекта Российской Федерации. В регионах, образующих данную группу, значения ИСЭУ ниже среднероссийских. Они демонстрируют широкий диапазон вариации социально-экономических показателей. Каждый регион имеет свои позиции роста по многообразию показателей. И наконец, *четвертую группу* с наименьшими значениями ИСЭУ составляют 25 регионов. Эта группа отличается широкой географией – входящие в ее состав территории представлены с не лучших позиций во всех федеральных округах.

Научно-технический потенциал. Рейтинг субъектов Российской Федерации, сформированный на основе НТП, представляет собой композитную оценку, отражающую развитие научно-технического потенциала инновационной деятельности регионов по таким ее составляющим, как кадровые и финансовые ресурсы научных исследований и разработок, публикационная и патентная активность, разработка передовых производственных технологий и экспорт услуг технологического характера. Ранжирование регионов по обобщающим значениям ИНТП за 2014 г. Позволило также распределить их по четырем группам. Среднее значение индекса НТП по стране в 2014 г. равнялось 0,385. Лидером первой группы со значением НТП равным 0,574 являлась Ульяновская область. Замыкает первую группу Республика Башкортостан со значением НТП равным 0,418. Особенности оценок индекса по субъектам Российской Федерации являются более чем трехкратный разброс его значений в 2014 г. и достаточно высокий уровень асимметрии с существенным смещением в сторону субъектов со значениями индекса ниже общероссийского (78,3% регионов).

В первую группу рейтинга по НТП вошли 11 субъектов Российской Федерации: Санкт-Петербург, Москва, Ульяновская, Нижегородская, Томская, Ярославская, Новосибирская, Московская, Смоленская и Омская области, Республика Башкортостан. Указанные регионы отличаются, прежде всего, высоким уровнем обеспеченности сферы науки и технологий финансовыми и кадровыми ресурсами, а также достижением наиболее весомых относительно других регионов научно-технических результатов. Говоря об основных особенностях развития научно-технического потенциала регионов данной группы, следует отметить, что наряду с Ульяновской областью довольно молодой состав исследователей отличает Смоленскую и Томскую области, Республику Башкортостан: доля лиц, не достигших 39 лет, среди исследователей в 2014 г. составила 59, 53,3 и 52,8% соответственно, что заметно выше средней по стране (41,3%).

Инновационная деятельность. Рейтинг регионов по показателям инновационной деятельности представляет собой агрегированную оценку интенсивности процессов создания, внедрения и практического использования технологических, организационных и маркетинговых инноваций в субъектах Российской Федерации. Позиции регионов в рейтинге установлены согласно индексу, определенному на основе индикаторов, обеспечивающих комплексную оценку ресурсов и результатов инновационной деятельности, активность малого, среднего и крупного бизнеса в освоении научно-технологических нововведений.

По итогам расчета ИИД совокупность субъектов Российской Федерации разделена на четыре неоднородные по составу и территориальной принадлежности группы. Большинство регионов попали в группы, характеризующиеся средними значениями показателей, и лишь около трети – в полярные группы, отличающиеся максимальными либо, наоборот, минимальными величинами.

В состав лидирующей группы вошли 20 регионов, в том числе Республика Башкортостан, представляющих большинство федеральных округов Российской Федерации. Основная часть рассматриваемых субъектов относятся к Приволжскому, Центральному федеральным округам. Кроме того, сюда попали регионы Сибирского, Северо-Западного, Южного, Уральского и

Дальневосточного федеральных округов. Значения ИИД для данной группы регионов существенно (в некоторых случаях – в 1,5–2 раза) превосходят аналогичную среднероссийскую величину. При этом прослеживаются некоторые закономерности. В целом регионы, занимающие передовые позиции в рейтинге, обеспечивают свое лидирующее положение.

Состав лидирующей группы заметно расширился по сравнению с итогами 2013 г. Следует особенно выделить Республику Башкортостан, которая за рассматриваемый период переместилась из третьей группы в кластер лидеров. Подобный рывок обусловлен, в первую очередь, значительным повышением результативности инновационной деятельности и интенсивности затрат на технологические инновации.

Некоторые регионы смогли значительно повысить ранг в рейтинге 2014 г. по отношению к уровню 2013 г. Особых успехов удалось добиться Республике Марий Эл, которая передвинулась на 27 позиций вперед (с 50-го на 23-е место), что позволило региону занять место во второй группе рейтинга. Существенно улучшили свое положение Республика Башкортостан (+14). Результаты исследования показывают, что наиболее успешно инновационная деятельность реализуется в крупных экономически развитых центрах Российской Федерации. В Приволжском федеральном округе максимальное число (восемь) регионов отнесены к лидирующей группе по ИИД.

Качество инновационной политики. Оценка качества инновационной политики в субъектах Российской Федерации позволяет построить целостную картину их инновационного развития. В настоящем исследовании эта оценка определяется следующим набором параметров: проработанностью нормативной правовой базы, наличием в регионе специализированного органа и институтов развития, курирующих региональную инновационную политику, а также уровнем относительных бюджетных затрат на науку, технологические инновации и инновационную инфраструктуру.

Распределение субъектов Российской Федерации по значению индекса КИП демонстрирует самый широкий разброс по сравнению с другими субиндексами рейтинга. Максимальная величина КИП традиционно принадлежит Республике Татарстан (0,7895), отличающейся полным набором оцениваемых в рамках настоящего

исследования инструментов инновационной политики в части нормативного правового регулирования и организационного обеспечения и значительными объемами финансовой поддержки инновационной деятельности. Минимальное значение ИКИП показал Ненецкий автономный округ, получивший по всем оцениваемым показателям нулевые значения. По итогам расчета значений ИКИП совокупность субъектов Российской Федерации методом кластерного анализа была разделена на четыре группы по значению индекса. В сравнении с 2013 г. состав всех четырех групп значительно изменился.

Состав первой группы сократился до 13 регионов (в 2013 г. – 17). Вторая группа регионов обновилась более чем наполовину в сравнении с 2013 г. Ряд субъектов смогли за счет различных факторов перейти в нее из третьей группы, например, Республика Башкортостан. В третьей группе регионов тоже произошли существенные изменения. Ряд регионов переместились из второй в третью группу в связи с прекращением деятельности специализированных координационных органов в сфере инновационной политики. Состав четвертой группы остался практически неизменным по сравнению с предыдущим годом.

Таким образом, центральное место в методологии построения РРИИ занимает, как и во всех методологиях рейтингования разработка системы показателей: определение их состава, содержания и методов расчета, выявление взаимосвязей между ними и придание их совокупности комплексного характера. Наличие резервов в развитии инноваций в более сильных регионах (в основном это социально-экономические условия и, собственно, инновационная деятельность) и конкурентных преимуществ регионов, с низкими общими позициями в рейтинге, обуславливает необходимость поиска решений по управлению инновационным развитием субъектов Российской Федерации.

Критическая оценка рейтинговой методологии на современном этапе развития мировой экономики. Критический анализ результативности выводов при принятии решений по инновационному развитию СЭС, опирающихся на результаты приведенных выше международных и российских рейтингов приводит к следующим размышлениям. Если соотнести методологию составления названного индекса, то основная претензия к нему

заключается в том, что он более оценивает потенциал, чем результат инновационной деятельности и не учитывает интегрированность процесса инноваций, как минимум в экономику, как максимум, во все сферы жизнедеятельности. Попытка как-то это учесть сводится к учету большого числа разнородных показателей. Однако их выбор и их веса определяются экспертно, и это экспертное мнение может сильно сказаться на величине интегрального показателя (рейтинга страны).

На наш взгляд, ГИ можно критиковать также в связи с недостаточной релевантностью выбранных исходных статистических данных и относительно произвольным характером выбора их весов, а также большим количеством учитываемых показателей. Это приводит к усреднению результата, маскирующего явно «провальные» значения отдельных показателей. Большая часть данных характеризует скорее потенциал, чем результат научной или инновационной деятельности. Ряд необходимых статистических данных отсутствует, поскольку темп процесса формирования необходимой базы данных не соответствует быстро меняющимся процессам в экономике.

В свою очередь, процесс зарождения и реализации самих инноваций динамично меняется. Важно, что характер конкуренции в мире изменился: определяющим все более становится не объем выпускаемой продукции (благ, услуг), а ее постоянное обновление или создание нового продукта. Новый создаваемый продукт, в силу глобализации мировой экономики, должен выдерживать конкуренцию на мировом уровне. Это определяет необходимость создания инновационно ориентированной среды, в которой инновации должны происходить непрерывно и становиться ключевым элементом во всей цепочке создания продукта.

С учетом актуального тренда сетевизации мировой экономики и ИКТ-революции, процесс внедрения инноваций также претерпевает изменения. Суть этих изменений в том, что разработкой продукции могут заниматься ученые из разных организаций, разбросанных по всему миру, так же, как и участники временного альянса организаций, участвующих в полном цикле его производства. С конца 90-х годов в развитых странах все большее распространение находит схема взаимодействия науки, бизнеса и государства, построенная на принципе равноправного участия в альянсе, что на

сегодня признается оптимальным взаимодействием названных секторов для развития инноваций.

Достижимый в данном альянсе синергетический эффект хорошо показывает, что инновации есть продукт коллективного труда участников из разных секторов, как непосредственно участвующих в процессе, так и создающих необходимую среду. Таким образом, инновационный процесс становится все более массовым, по причине повсеместной востребованности, более интегрированным в экономику и тесно связанным с деятельностью иных секторов. В силу названных причин его результаты в большинстве случаев невозможно оценить напрямую, поскольку доля интеллектуальных затрат в конечном продукте нигде явно не выражена.

Между тем инновации должны быть оценены по результату и только, и это не прерогатива науки (создавать инновации), это уже часть экономики и всех сфер жизнедеятельности. В идеале, инновации следовало бы оценивать по уровню благосостояния народа, хотя бы по его материальному благополучию, поскольку для этого они и предназначены. Но уровень благосостояния зависит от ряда иных факторов, и вычленив долю, которую приносят инновации, невозможно или очень сложно.

По какому конечному результату тогда их оценивать? По норме рентабельности (чем выше, тем больше инноваций). Такого показателя в статистических данных нет. По заработной плате (чем выше, тем более высококвалифицированные работники участвуют в производстве), но в каждой стране они имеют различия в зависимости от паритета покупательной способности. По ВВП на душу населения? Весьма размытый (с точки зрения оценки именно инноваций) показатель.

Анализ этих и других показателей привел к провокационной (с точки зрения простоты оценки) мысли оценить инновации по одному показателю – производительности труда (ПТ) [10]. Этот показатель имеет прямую зависимость от инноваций: если количество продукции за единицу времени стало выпускаться больше – то это и есть результат усовершенствования производства. То есть, это универсальный показатель, способный учесть эффективность инноваций во всех сферах реального сектора экономики.

Обобщенный экономический показатель, такой как ПТ, неоднозначен в пространственно временном разрезе оценки

инноваций. Определенные инвестиции не имеют мгновенной отдачи (фундаментальная наука, культурные или социальные программы по улучшению медицины, образования, экологии и пр.). В то же время, предполагая, что в дальнейшем фундаментальная наука должна быть приложена к повседневной жизни в целях повышения качества жизни населения, и приводить к увеличению количества создаваемых благ, можно считать, что и фундаментальная наука обеспечивает повышение ПТ.

Приведенные рассуждения не кажутся бесспорными, поскольку, производительность труда учитывает ранее не материализованные блага, в каком-то смысле, оценивая их фактически реализованный потенциал. Если это не «материализовалось», значит, предыдущая работа не имела смысла. Такая позиция снижает роль и значимость фундаментальной науки для инновационного развития общества. Практические эффекты науки могут проявиться в весьма отдаленной перспективе.

Инновации же, будучи привязанными к показателю производительности труда, будут правильно оценены на основе учета добавленной стоимости, если цепочка производства товара (услуги) разбросана по миру. Та часть добавленной стоимости, которая осталась в определенной стране, также характеризует ПТ. Там, где этот инновационный продукт придумали и где есть среда для его продвижения и продажи, там остается большая часть добавленной стоимости, и, соответственно, ПТ там будет выше.

Возвращаясь к глобальным процессам: глобализация, сетевизация, ИКТ-революция, характер конкуренции, следует отметить, что ПТ и ВВП неразрывно связаны. Все это предполагает, что сейчас каждый продукт должен быть инновационным, иначе он не найдет спроса (ВВП не увеличится). Конечно, производительность труда должна быть скорректирована на величину условной ренты. Если ВВП страны образуется и за счет природных ресурсов, выгоды территории или климата, то это рента, которая дает прирост части ВВП с меньшими, по отношению к другим странам, затратами. Оценка уровня развития инноваций, как и величина производительности труда, должны для этих стран быть пропорционально уменьшены. Но это можно отнести к техническому вопросу и определение весов для 3-4-х вариантов рент возможно произвести более корректно, нежели для 80 показателей в GII.

Вполне допустимо использование ПТ, с точки зрения оценки практических результатов осуществления инноваций. Вместе с тем в плане имеющихся ресурсов и условий (возможностей) для проведения инноваций вряд ли стоит отказываться от таких ключевых параметров как, например, качественные характеристики институтов, уровень востребованности человеческого капитала или степень вовлеченности людей в частную предпринимательскую деятельность. Другой вопрос, как действительно оценить соотношение затрат и инновационного эффекта (в том числе с учетом затрат на оборонные цели) на фоне постоянно меняющейся геополитической, финансово-экономической и социокультурной ситуации в современном мире, тем более при сопоставлении все более расходящихся ныне интересов в их национальном и блоковом выражении. В любом случае стоит согласиться с тем, что инновации следовало бы оценивать по росту благосостояния народа, поскольку для этого они и предназначены.

Список использованной литературы:

1. Исмагилова Л.А., Климова Н.И., Бухарбаева Л.Я. Социально-экономические противоречия инновационного развития территорий и их элиминирование в среде корпоративной социальной ответственности // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2015. – № 2. – С. 63-69.
2. Россия в зеркале международных рейтингов. Информационно-справочное издание / отв. ред. В.И. Суслов; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск: Автограф, 2015. – 115 с.
3. Global Innovation Index 2017 Report. [online]. – URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2017-report>.
4. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/206860724.htm>.
5. Исмагилова Л.А., Галимова М.П. Инновационные факторы эффективности функционирования малых и средних предприятий // Вестник УГАЭС. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2012. – № 2 (2). – С. 78-81.
6. The Global Competitiveness Report 2017-2018. [online]. – URL: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index-2017-2018>.
7. Bloomberg Innovation Index By Region. [online]. – URL: <https://innovationcompany.co.uk/2017-bloomberg-innovation-index>.

8. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 4 / под ред. Л. М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – 248 с.

9. ERAC Meeting 27 March 2014. [online]. – URL: <https://era.gv.at/object/document/1275/attach/20140327-innovation-union-scoreboard-2014.pdf>.

10. Федеральный реестр экспертов научно-технической сферы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://reestr.extech.ru/forum/forum_mess.php?page_e=2&id_raz=110.

УДК 338.1

И.В. ДЕГТЯРЕВА, д.э.н., проф., **Г.Ф. ТОКАРЕВА**, к.соц.н.

Уфимский государственный авиационный технический университет,
г. Уфа

МЕСТО И РОЛЬ ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ ИНВЕСТИЦИОННО- ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

PLACE AND ROLE OF THE TERRITORIES OF ADVANCED DEVELOPMENT IN THE IMPLEMENTATION OF THE MODEL OF REGIONS INVESTMENT AND INNOVATIVE DEVELOPMENT

Аннотация. В статье обосновывается идея о ТОР (территории опережающего развития) как масштабном инструменте региональной политики, позволяющем при эффективном использовании новых подходов обеспечить комплексное решение вопросов регионального развития: привлечение средств национальных инвесторов; повышение конкурентоспособности продукции местного производства в сравнении с импортом и создание новых рынков; поддержка научно-технического и инновационного развития территории; повышение занятости Авторы приходят к мнению, что именно ТОР могут рассматриваться как эффективный инструмент, способный отвечать на современные глобальные вызовы и риски.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 18-410-020024 «Имплантация конкурентных технологий и финансово-экономических механизмов в ТОР (территории опережающего развития) как драйверы регионального развития (на примере Республики Башкортостан)».

Abstract. The idea about TAD (the territory of the advancing development) as the large-scale tool of regional policy allowing to provide the complex solution of questions of regional development at effective use of new approaches is proved in article: increase in employment; attraction of financial resources of national investors; increase in competitiveness of production of local production in comparison with import and creation of the new markets; support of scientific and technical and innovative development of the territory. Authors come to opinion that TORAHS can

be considered as the effective tool capable to answer modern global challenges and risks.

The research was carried out with the financial support of the RFBR and the Republic of Bashkortostan within the framework of the scientific project No. 18-410-020024 "Implantation of competitive technologies and financial and economic mechanisms in the TORAHS (territory of advanced development) as drivers of regional development (on the example of the Republic of Bashkortostan)."

Ключевые слова: территория опережающего развития, регион, экономика, инновации, инвестиции, резидент.

Keywords: the territory of the advancing development, the region, economy, innovations, investments, the resident.

В современных условиях развития, часто характеризующихся в научной литературе как «новая нормальность», с низкой динамикой экономического роста, глобальной турбулентностью рынков и волатильностью мировых цен, нарастанием геополитических противоречий и проявлением кризиса модели социально-ориентированного государства, особое значение приобретает поиск возможностей эффективного ответа российского общества на эти глобальные вызовы. Выбор ТОР в качестве объекта исследования обусловлен сложностью и неоднозначностью этого механизма государственного регулирования экономического роста и сохранения целостности регионального ландшафта национальной экономики, который требует дальнейшего углубленного изучения.

ТОР – это часть территории субъектов РФ на которых в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности с целью привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития этих территорий и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения [1]. С 2015 года создано 18 ТОР на Дальнем Востоке, а также территории опережающего развития в Восточной Сибири и других частях РФ: в частности, в границах моногородов и в Калининградской области.

Особенно полезно применение ТОР для моногородов, система хозяйствования которых ограничена одним градообразующим

предприятием. Целью распространения режима опережающего развития на территорию монопрофильных городов является, прежде всего, диверсификация экономики города, уход от моноиндустрии, создание новых рабочих мест в других отраслях. Это потребует, в свою очередь, применения инновационных технологий и конкурентоспособных трудовых ресурсов. Создание ТОР на территориях моногородов с мая 2017г. осуществляется в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 22.06.15 № 614 «Об особенностях создания ТОСЭР на территориях монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов) в редакции от 26.04.17.

Республика Башкортостан также включилась в процесс придания моногородам республики статуса территорий опережающего социально-экономического развития. В конце 2016 года Постановлениями Правительства РФ были созданы ТОР в гор. Кумертау и Белебее; 5 апреля 2018 г. одобрены заявки на создание ТОР в моногородах Белорецке, Благовещенске и Нефтекамске.

Понятие «территории опережающего развития» (ТОР или ТОСЭР) относительно новое для России понятие. До принятия закона №473-ФЗ, согласно нормативно-правовой базе РФ, к территориям с особым экономическим статусом относились: особые (свободные) экономические зоны (ОЭЗ, СЭЗ), зоны территориального развития (ЗТР), закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО), наукограды, промышленные (промышленные) парки, технопарки. В ряде работ предпринята попытка сопоставить и провести различия между ТОР, ОЭЗ и ЗТР [2, 3].

Опыт функционирования территорий с особыми режимами хозяйствования в развитых странах показал, что они являются важным фактором экономического роста экономики региона и способны дать серьезный толчок к ее развитию в кризисные годы и посткризисный период. Существующие ТОР в России повышают инвестиционную привлекательность своих регионов и способствуют привлечению инвестиций, созданию тысяч новых постоянных рабочих мест [4]. Только на Дальнем Востоке резидентами особых режимов стали 192 компании, общий объем их инвестиций составил 2 трл 132 миллиарда рублей, всего будет создано 38140 рабочих мест.

Полагаем, что создание ТОР способно придать определенный импульс развитию экономики республики Башкортостан. ТОР

должны стать своеобразным локомотивом для поднятия социально-экономического и производственно-технологического потенциала региона, а также выравнивания уровня развития районов республики, активизации внешнеэкономических связей, инструментом региональной политики, направленной на оживление мелкого и среднего бизнеса, снижения зависимости населения моногородов от градообразующих предприятий.

Создание ТОР носит взаимовыгодный характер как для регионов, так и для инвесторов. Основные выгоды, которые получают резиденты ТОР – это существенные налоговые льготы. Согласно действующему законодательству, для них предусмотрено снижение налога на прибыль (до 5%), есть льготы по страховым взносам в фонды обязательного пенсионного, социального и медицинского страхования (их суммарный размер уменьшается до 7,6%), полное или частичное освобождение от налогов на землю и на имущество организаций. Привлекательными для инвесторов являются упрощение административных процедур, а также финансирование со стороны государства инфраструктуры ТОР. Специально созданная для этих целей некоммерческая организация «Фонд развития моногородов» берет на себя затраты (до 95%) по созданию объектов инфраструктуры, необходимых для реализации новых инвестиционных проектов.

Особые налоговые преференции на ТОР рассчитаны, прежде всего, на вновь создаваемые предприятия на этих территориях. При этом они могут выбрать вариант размещения на территории промышленной площадки или индустриального парка моногорода, который тоже имеет свои преимущества. Например, ТОР Кумертау предлагает размещение на площадках АО КумАПП и машиностроительного завода «Искра, а также двух индустриальных парков «Воротынский» и с Маячный. Интерес для резидентов ТОР представляет и возможность внедрения на потенциально широкий рынок, привлечения к работе сравнительно дешевой и квалифицированной рабочей силы, применения результатов научных исследований и технических разработок для создания новых видов товаров, обладающих повышенной конкурентоспособностью [5].

Привлечение инвестиций в региональную экономику посредством создания ТОР, должно способствовать решению таких задач, как диверсификация и модернизация производства, освоение

невостребованного научно-технического потенциала регионов, развитие импортозамещающих производств и расширение экспортного потенциала в отдельных отраслях, освоение передовых форм и методов организации производства и опыта цивилизованных отношений в сфере предпринимательской деятельности, развитие объектов инфраструктуры, и улучшение качества городской среды.

Помимо экономической эффективности ТОР обладают и потенциалом социальной эффективности. Так, при создании ТОР преследуется цель с их помощью решить важные задачи социальной политики: снижение безработицы, вовлечение местного населения в производственную деятельность и как следствие – повышение занятости местного населения и востребованности профессиональной подготовки кадров. Мировая экономическая практика свидетельствует о том, что одно рабочее место в территориях с особыми режимами хозяйствования создает, как минимум, 4-5 рабочих мест вне этой территории [6].

Вместе с тем, проведенные исследования в области функционирования ТОР выявили ряд проблем учреждения, функционирования и дальнейшего развития ТОР в России:

- отсутствие единой стратегии развития ТОР в России, в которой определены цели и задачи государства и отдельных регионов в данной области и пути их реализации;

- отсутствие четких и целесообразных критериев создания ТОР. Критерии, указанные ФЗ от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ» имеют ряд серьезных недостатков, в числе которых отсутствие весомых экономических показателей;

- отсутствие индивидуального подхода к определению пакета льгот и преференций для конкретной ТОР (с учетом ее особенностей), которые обеспечат комфортное функционирование бизнеса. И здесь важным является прозрачность для инвестора системы преференций и гарантий, которые обязательно должны быть закреплены законодательно, и не подвергались изменению в течении как минимум 10 лет.

- не всегда достаточно согласованные связи между органами управления ТОР и местными властями, а порой и органами федеральной власти (Минэкономразвития, Минфином, налоговым

ведомством и т.д.), что затрудняет процесс мониторинга и оперативного решения возникающих на ТОР проблем;

- использование ТОР как инструмента компенсации имеющихся недостатков или отсутствующих факторов развития, в то время как предоставление резидентам ТОР особых налоговых режимов призвано реализовать сравнительные преимущества этих территории и обеспечить их опережающее социально-экономическое развитие;

- низкое качество планирования управления развитием ТОР, из-за чего имеет место неполная загрузка мощностей имеющихся инфраструктурных объектов, а также частичное (а иногда и полное) отсутствие потребителей услуг на территории некоторых ТОР на Дальнем Востоке [5]. Косвенным свидетельством этого также являются не использованные финансовые ресурсы, которые были выделены государством (на начало 2015 года неиспользованная сумма составляла 35 млрд руб., а к началу 2017 года – 109,7 млрд. рублей);

- отсутствие «якорных» инвесторов при создании ТОР. Сложившаяся ситуация явилась следствием не только недостатка финансовых ресурсов у потенциальных инвесторов и общего дефицита финансовых ресурсов в экономике России, но и обусловлена отсутствием четко обозначенных финансовых обязанностей резидентов в договорах о ведении ими бизнеса;

- наличие несогласованности действий между предпринимателями и местной администрацией, нежелание последних идти на компромисс с интересами хозяйствующих субъектов ТОР. Развитие многих ТОР на территории России тормозится именно из-за низкой активности местной администрации;

- отсутствие продуманной маркетинговой стратегии и неумение «продавать» ТОР на внутреннем и мировом рынках.

Кроме того, в России недостаточно проработан механизм оценки эффективности ТОР. Разработанные в настоящее время методики по оценке результативности работы ТОР не учитывают такие положительные моменты, как: модернизирующее влияние на национальную и региональную экономику через демонстрационные и обучающие эффекты; возможность экспериментировать с новыми экономическими механизмами и инструментами, которые впоследствии могут в качестве опробованных моделей

использоваться в других регионах и пр.

Проблемы, возникающие в процессе создания и последующего функционирования ТОР имеют разноплановый характер, что требует решения широкого круга теоретико-методологических, организационных, законодательных и нормативно-правовых задач на макро, мезо и микроуровнях.

Таким образом, в настоящее время актуализируется значимость решения существующих региональных проблем в части:

- разработки концепции развития ТОР в Республике Башкортостан, с изложением основных целей, задач республиканских властей в данной области и единой стратегии их развития;

- разработки сбалансированных сценариев долгосрочного устойчивого социально-экономического развития ТОР в РБ;

- обоснования необходимости внедрения инновационных технологий в деятельность резидентов ТОР для обеспечения высокого уровня их конкурентоспособности;

- совершенствования нормативно-правового регулирования деятельности ТОР в регионах для обеспечения долгосрочного эффективного развития;

- совершенствования налоговых и бюджетных инструментов государственной финансовой поддержки ТОР, в том числе таможенно-тарифного регулирования и налоговых режимов;

- моделирования финансовых потоков регионального бюджета исходя из параметров функционирования ТОР;

- совершенствования методических основ оценки эффективности функционирования ТОР.

Международный опыт показывает, что налоговые льготы в российских ТОР не большие, вследствие чего являются малопривлекательными для инвесторов глобального уровня. По сути, все налоговые льготы ТОР сводятся к тому, что снижаются лишь налоги, которые зачисляются в региональные и местные бюджеты. Тем самым и снижается привлекательность данного инструмента для субъектов федерации и иностранных инвесторов. При этом неоднозначен и социально-экономический эффект, получаемый от создания ТОР. Эффективность ТОР проявляется в среднем через 3-5 лет, так как за более короткий срок вложенные инвестиции просто не могут окупиться.

Успех любой ТОР определяется не только ее внутренней

рентабельностью, исчисленной с помощью количественного анализа затрат – результатов, но и международной конкурентоспособностью относительно других ТОР, расположенных в различных регионах РФ. Именно поэтому прогноз конкурентоспособности ТОР в национальном масштабе должен служить одним из базовых параметров при планировании создания ТОР, так как в противном случае национальные и иностранные инвесторы предпочтут ТОРы, более благоприятные с точки зрения инвестирования финансовых средств и ведения бизнеса. При этом принципиально, чтобы система льгот и гарантий была максимально прозрачной для инвесторов, закреплена законодательно и отличалась стабильностью, то есть не подвергалась существенным изменениям в пределах по крайней мере 5-10 лет. В мировой практике «налоговые каникулы» обычно предоставляются государством инвесторам на территории особой зоны на 2-5 лет, хотя в некоторых случаях они могут достигать 20 (в Ирландии) и даже 25 лет (в Сенегале) [7].

В условиях современной России целесообразно ориентировать экономическую политику на образование в стране сети полюсов ускоренного роста, основой которых будут выступать территории опережающего развития. Создание ТОР позволит значительно повысить инвестиционную привлекательность территорий, а эффективное использование новых подходов и механизмов ТОР обеспечить комплексное решение вопросов регионального развития: повышение занятости, поддержка научно-технического и инновационного развития территории, повышение конкурентоспособности продукции местного производства в сравнении с импортом и создание новых рынков.

ТОР могут рассматриваться и как эффективный инструмент, способный отвечать на современные глобальные вызовы и риски. Прежде всего, в контексте создания инновационной экономики. Имплантация конкурентоспособных технологий, модернизация, неоиндустриализация являются на данном этапе глобальным трендом и ТОР могут сыграть здесь существенную роль. С точки зрения выравнивания регионального развития, степени их социального и геополитического влияния на уровень развития государства и отдельных территорий, ТОР также являются значимым институтом.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».
2. Кашина Н.В. Территории опережающего развития: новый инструмент привлечения инвестиций на Дальний Восток России // Экономика региона – 2016. – Т. 12, вып.2 – С.569-585.
3. Меджидов З.У. Сравнительный анализ использования территорий с особым экономическим статусом в Российской Федерации // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева – 2017 – №4, том 1 – С.1-9.
4. Дегтярева И.В., Неучева М.Ю. Эффективность функционирования ОЭЗ: международный и российский подходы // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2014. – № 1 (117). – С. 60-64.
5. Дегтярева И.В., Неучева М.Ю. Особые экономические зоны регионального уровня в РФ // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2013. – № 3 (113). – С. 66-71.
6. Майбуров И.А., Иванов Ю.Б., Баннова К.А. и др. Особые экономические зоны. Зарубежный и отечественный опыт: монография / под ред. И.А. Майбунова, Ю.Б. Иванова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – Том 2. – 287 с.
7. Пушкин А.В, Богданов И.Г. Особые экономические зоны в России: Правовое регулирование – М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. – 228 с.

УДК 1:316

Ф.С. ФАЙЗУЛЛИН, д.филос.н., проф., академик АН РБ

Уфимский государственный авиационный технический университет,
г. Уфа

E-mail: philosugatu@mail.ru

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ETHNONATIONAL POTENTIAL AS A FACTOR OF SOCIAL DEVELOPMENT

Аннотация. В статье анализируется роль и значение этничности как социального потенциала развития общества и его регионов. Обосновывается идея о том, что этничность способствует приобщению личности к духовному миру, духовному богатству, ценностям определенного общества и является фактором стабилизации устойчивого развития государства. Отрицание роли этнического фактора в политике приводит к разрушению целостности страны и гражданского спокойствия общества. Исторический опыт свидетельствует о том, что этнические духовные начала значат для индивида гораздо больше, чем его принадлежность к политическим партиям, социальным группам религии, общественной или другой организации. Этничность на современном этапе общественного развития остается востребованной, этнические ценности не девальвируются в условиях интеграции государств, а, наоборот становятся объектом защиты и приумножения со стороны членов общности, поскольку через них этнос находит в себе новые силы для дальнейшего развития.

Abstract. The article analyzes the role and importance of ethnicity as a social capacity development of society and its regions. Substantiates the idea that ethnicity contributes familiarizing personality to the spiritual world, spiritual wealth and values of a particular society is a stabilizing factor in the sustainable development of the state emphasizes the denial of this phenomenon in politics leads to the destruction of the integrity of the country and civil society peace. The historical experience shows that ethnic spiritual principles mean for the individual much more than its belonging to political parties, social groups, religion, social or other organizations. Ethnicity on the modern stage of social development is

needed, some of ethnic values doesn't change in the conditions of integration of the states, but, on the contrary become the object of protection and enhancement of the members of the community, since they ethnos finds new strength for the further development.

Ключевые слова: этничность, этнонациональный потенциал, этническая общность, нация, суверенитет.

Keywords: ethnicity, the ethnic potential, the ethnic community, the nation, sovereignty.

Исследование роли этнонационального потенциала развития общества и его регионов является одной из актуальных проблем, от правильного решения которой зависят стабильность и устойчивость прогрессивного цивилизационного движения полиэтнического государства. Как известно, в современной научной литературе сложились различные подходы к пониманию роли этнического составляющего процесса развития общества, использование его потенциала в реализации основных целей социального прогресса. Этот процесс, происходящий во все времена, зависел от конкретной исторической, общественной, экономической, этнической ситуации. Он сопровождался выработкой определенной стратегии мышления, линии поведения, основы которого начали анализироваться в научной литературе относительно недавно. Происходящие в обществе сегодняшние события требуют новых подходов к исследованию этнических процессов.

Этничность – понятие широкое, включает в себя процессы идентификации, наличия этнического сознания и самосознания, формирования этнических общностей, их взаимодействия с другими подобными общностями. Этничность, по нашему мнению, являясь одной из форм социальности, выделилась из нее на определенном этапе развития человеческого общества, в частности, когда различные первичные кровнородственные этнические общины (роды, племена) начали взаимодействовать с другими аналогичными группами. Результатом этого взаимодействия стало обнаружение взаимного отличия в самых разных сферах: одежде, быте, языке, особенностях поведения и т.д. Отсюда и проистекает предпосылка национального самосознания, которая связана делением общества на «мы» – «они». Таким образом, этничность можно определить как свойство человеческого сообщества, разграничивающее одну объективно существующую этническую общность от другой [1, с. 33].

Приверженность индивидов к своим этническим корням, культуре, языку и т.п. нельзя трактовать лишь как дань традициям и уважение к «корням», или же лишь как чувство принадлежности к воображаемым сообществам и мифам. Этничность есть более сложное и многогранное явление, способствующие социальному прогрессу общества, явление, обладающее огромным потенциалом развития.

Этническая идентичность помогает человеку и этнической группе определить свое место в окружающем социокультурном пространстве, построить систему отношений в условиях межэтнических контактов. Потребность индивида в эмоциональной связи с определенной этнической группой, ощущения моральных обязательств перед ней (а иногда и в жертвенности), лежит в едва уловимых и не до конца осознаваемых пластах человеческой психологии. Этничность для человека – это и способ адаптации в сложном мире общественных отношений, и в социальной среде своего существования, и возможность удовлетворения духовных, морально-эстетических потребностей, неизбежно возникающих в ходе практической деятельности.

Конец XX начало XXI вв. наглядно доказали, что этнические духовные начала значат для индивида гораздо больше, чем его принадлежность к политическим партиям, социальным группам, религии, общественной или другой организации. Этносы, ставшие реальной силой и двигателем общественного развития в новых условиях получили уникальную возможность для реализации своего потенциала, которая проявляется через повышение роли этнического фактора в оказании влияния на социально-экономические, политико-правовые и духовно-культурные процессы в обществе.

Значение этнического фактора в общесоциальных процессах видится в том, что он помогает конкретизации тех программ, которые осуществляются в государствах, и ведет к социальному прогрессу общности, придавая целенаправленный характер общественному развитию, уравнивая шансы этнических общностей в достижении их целей и реализации интересов.

Вместе с тем, оценивая роль этнического фактора, следует подчеркнуть, что его влияние может быть двояким: либо положительным, либо отрицательным. Как положительное можно отметить его прогрессивное влияние на развитие социальных

процессов, способствующие прогрессивному развитию всего общества в целом. Отрицательным этот феномен становится тогда, когда он мешает социальному прогрессу, способствует формированию конфликтных ситуаций и напряженностей, оказывает содействие установлению уже отживших социально-экономических и политических отношений, ведущих общество к застою и стагнации. Более того, противоречия в сфере межэтнических контактов, в современном мире сформировали протестные движения. В связи с этим начала формироваться этническая оппозиция, противостоящая официальной идеологии и политике. Появились политические партии, общественные организации по этническому признаку. Политические притязания этносов оказались не только обоснованными, но, и с точки зрения международного права, вполне легитимными, ибо последнее признает за каждым народом право на самоопределение. В условиях, когда рушатся старые идеалы и отсутствует стабильность в общественном развитии, происходит распад политических систем, повышается ценность этнической идентичности, культуры и этнических общностей в целом. В государстве стоящем как на авторитарных, так и на либеральных принципах, как правило не учитывают этнические интересы. В них, как правило, доминируют интересы нации-государства. Здесь этнические особенности и специфика учитываются в пределах решения лишь определенного круга проблем населения и не имеют широкой социальной и правовой базы для дальнейшего расширения и развития. В этой ситуации возрастает потребность в реализации естественных прав этносов, в виде суверенности.

Суверенитет – это не прихоть этнической элиты, а многовековая мечта любого народа, живущего по соседству и тесно связанного с крупными этносами. Как правило, последние из-за своей многочисленности не боятся потери своих национальных качеств. А представители первой категории вынуждены быть постоянно в состоянии напряжения, поскольку в условиях частых контактов со своими соседями они склонны к частичной утрате своих специфических качеств, уникальных элементов культуры. У таких этнических общностей самосознание находится в состоянии постоянной напряженности и активности. Реальный суверенитет – это своего рода охранная грамота и гарантия для этноса от

ассимиляции и аккультурации. Это возможность сохранения этносом самого себя.

В заключении следует подчеркнуть, межэтнические отношения не могут быть пущены на самотек, т.к. в подвешенном состоянии они гораздо опаснее. Это уже аксиома, о чем свидетельствует распад СССР. Проводимая в обществе политика должна быть направлена на то, чтобы этнический потенциал и этнический фактор способствовал конкретизации тех программ, которые осуществляются в государстве. Она должна привести к социальному прогрессу общности, снятию напряженностей, достижению целей и реализации интересов всех сосуществующих этнических групп. При этом следует особо отметить необходимость разработки программ развития различных этносов на уровне субъектов Российской Федерации.

Список использованной литературы:

1. Файзуллин Ф.С., Асылгужин Р.Р. Этничность и этническая идентификация. – Уфа: Издательство «Гилем», 2005. – 142 с.

Научное издание

**ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ
РЕГИОНОВ РОССИИ**

Материалы

X Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
24 - 25 мая 2018 года

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Печатается в авторской редакции

Корректор Т.И. Тютюнникова
Компьютерная верстка М.В. Шамова
Художественное оформление М.В. Шамова, М.Ю. Васильев

Отпечатано с готового оригинал-макета
на собственной полиграфической базе ИСЭИ УФИЦ РАН
450054, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 71
Тел: (8-347) 235-55-33, факс: (8-347) 235-55-44
Заказ № 07. Подписано в печать 25.06.2018 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага типа «Снегурочка»
Гарнитура «Times». Усл. печ. л. 05,34. Уч.-изд. л. 07,25.
Тираж 300 экз.